

Французская история литературы XVIII в.

в ней перемены; онъ видѣлъ, какъ люди расцвѣдали или увѣдали, какъ нѣтъ индивидуальности сдувалась или перерождалась; онъ подмечалъ неощущимую работу времени, го разрушавшую, го возсоздававшую людей. Когда его внезапный измѣнялся, онъ снова возвращался къ своему объекту, набрасывая на него съ новой яростью и снова конкретизировалъ его действительное положение, которое скоро должно было опять измѣниться. Владевшие этого онъ давалъ намъ несколько портретовъ Френелона, герцога Бургонской, М-ше Мэн-зенона и множенствъ другихъ великаго короля.

Вмѣстѣ съ отдельными лицами онъ наблюдаетъ и массы. Иногда онъ несколькими штрихами набрасываетъ цѣлую сцену, въ видѣ большого и смѣлаго рисунка, иногда же пишетъ огромную законченную картину, въ родѣ картины смерти Монсеньора¹⁾ или королевскаго заговора парламента, изданныхъ того законодательствѣмъ сената Людовика XIV. Его разсказы полны жизни, а выносимой изъ него внезапности, нѣтъ ослѣпляющей зато ослѣдливости, козорого характера, ризующей только произведенія большихъ художниковъ. Множенствъ лицъ, движеній и дѣйствій соединяются, перекрещиваются и слѣдуютъ другъ за другомъ; каждый индивидуумъ подвергается анализу, каждое движеніе разлагается на составные элементы, каждое дѣйствіе

1) Монсеньоръ — приложеніе къ жизни царскаго брата короля Франціи.

отмечается подробно; при этом не происходит ника-
кой тупанцы и никакого сближения. Въ извѣстных
моментахъ все газносно отходитъ на задній планъ
и сгущиваются; осязается только общія черты, об-
щія движенія и выдающіяся черты характеровъ. „Я не
знаю,“ говоритъ Т. Лансонъ, „можно ли найти еще
у кого-нибудь подобную отрезливающую наблюденія
высвѣтъ съ точки его полноты.“ ✕

Составляя свои мемуары въ эту эпоху, когда прус-
скій король — Фридрихъ Великій — указывалъ за Вол-
геромъ, онъ описываетъ въ нихъ басилку изъ францужен-
каго „Аноетъ (Аруз), сына мюратца, пиньеръ онъ,
бывшаго ^{мюратца} ~~законнаго~~ сына и полка; онъ и не упо-
мянулъ-бы о законѣ бездѣлности, „еслибы эпоха Аруз
не занимала извѣстнаго положенія въ литературу,
но и республику и не считался даже ~~члѣномъ~~ въ родъ
важнаго особы въ извѣстномъ кругу“. Три дѣла сжаты,
написанная около 1745 года, очень многозначительна.

При столкновении съ окружающимъ действительностью,
такое упрямство привело къ плачевнымъ результатамъ.
Не будучи въ состоянн вернуться дворянству его реаль-
ную силу, Сент-Симонъ обратилъ все свое вниманіе
на внѣшнее, на пустяки формы; онъ зацѣпился
внѣшнѣе прерогативы, привилегіи, удовлетворяющія
глицеславіе, все это внѣшнѣе отличія, которыя отдѣляли

дворянство отъ буржуазии, военное дворянство отъ при-
 казнь и пэровъ отъ всего социального міра. Онъ спо-
 рилъ, надоедалъ и заводилъ злыбы по поводу вопросовъ
 отъ Эрикста, о первенствѣ и о зидулахъ съ законо реди,
 ческого сзрасзносзго, что наскунили даме Мадовику XIV.
 „Тоеподино Сень-Симонъ, говорилъ король, зомско и за-
 нишаезд зидулами и рангами, — и зьль, что заводило
 со всеми злыбы“. Это была правда; но великій король
 все-таки не имѣлъ права шаловарск. Развъ не входило
 въ его систему придавать серьезное значеніе внишнимъ
 озмивль, козорони онъ услаждалъ безцалное суще-
 сзвованіе всего згого дворянства, зомившагося при его
 дворе ?

Терцовъ
 Сень-Симонъ попался въ западную, ^{разрушенную} королевскую
 власзго: видя, что нузи для его чесзолюдья закрыты,
 отъ бросился по дороге, удоблезворявшей его зисеславию.
 Онъ сдѣлался раздражительнымъ и мелочнымъ, погрузилъ,
 ся въ неистощимыя придворныя интриги и безплодныя
 препиразельсзва. Такиль образомъ отъ учразилъ ведъ,
 куро способное къ серьезной государзвенной дзидзель,
 поези, если зомско она была у него, и усие не чинилъ
 ни къ чему ознесзиег разумно и справедливо. Онъ
 кубезвовалъ презрѣніе, скомшанное съ зависзго, ко велиль
 фаворизанль, минисзранль и генераланль, происходидение
 козоронль не сзозвозсзвовало занималымль или долзи,

носилась, — не принимая во внимание ни мнѣ личныя достоинства, ни мнѣ заслугъ. Для него было доеза, точно знает, что дворянская родословная кого-нибудь (Вилларса) была корошка и сомнительна, для того чтобы отъ царя его залазки; отъ освапалъ оскорбленіями Ван, дома, потому что его королевское происхождение было незаконно. Прозь благочестивый и добродетельный архиепископъ мнѣ безумно немаловажно ко всему, что оскорбляло его мнѣ о феодализмѣ государстве, на вершинѣ козорало срали-би герцоги и князи.

Какъ видно, никогда еще неловко не подходило какъ мало къ своему вкусу, какъ герцогъ Сень-Симоновъ. Все его идеи, — съ козорали мнѣ только что ознако- жились, — принадлежали другой эпохѣ въ особеннѣи потому, что отъ одлекались въ формѣ цезаряльскихъ теорій. Кроваво того отъ принимали особый ору- жья, сообразовававшій землерамку человѣка, ко- рѣи высказывали мнѣ. Но мнѣ не слѣдуетъ упуска- ть вида, что въ XVIII вѣкѣ существовало множество маленскихъ Сень-Симоновъ, — все го незначительное дворянство, замурованное въ свои воспоминаніи, шль и въ свои предразсудкаль и съ жель большинѣ чирдместволь державшеся за вѣковыя привилегіи, козорид удовлетворяли его тщеславію, что въ мнѣ заключалось все, что еще освапалось у него отъ прошлого;

именно зримъ придворнымъ и зтому провинціалскому дворянству суждено было вывести изъ дертвой ограда, нуто націю, довести до крайняго раздраженія наиболее мирныхъ людей и, благодаря своему неразумному эгоизму, вызвать во Франціи насильственный революцію.

Кромѣ того, Севъ-Симонъ не охотился къ своимъ матеріаламъ критически; онъ не обладалъ ни наукою, ниими способностями, ни научными методами. Онъ не проводилъ, какъ слѣдуетъ, свидѣтельскихъ показаній, пренебрегалъ письменными документами, которые могли бы опровергнуть многие изъ соображеній или слуховъ, и вѣрилъ всему, что мезило его меланійамъ или ангиназіямъ. "Во Меланьяхъ перепалены котелъ, посѣлки, отидками и даше пошито, — зото призраст. ното лотто, котораѣ ерваеся съ языка у гесрскихъ, но ограниченности людей".

Маркизь д'Армансонъ характеризовалъ нашего герцога и иэра, Севъ-Симона, какъ "знайкаго безза. ланкаго и самолюбиваго Лансиу". Вели охавиръ во сторонѣ лифразурной залатъ, котораго не мотъ подмозиръ д'Армансонъ. Зо справедливоеръ закото мнотидъ подзверидаетъ мизрото и согиненідми ззото человека."

Во мнотид ангиназіи подздрекали его ивзлнвоеръ

1) Ср. Т. Лансона 7. II, стр. 75.

и сообщали его зрителям еще богииную способность, раскаяние, победу, зондируд души; ненависть и вранда ослышья, юзь его расудокъ, но простоядьяго его наблюдаея, нося. Въ зтомъ отношеніи онъ представлялъ ориги, налкое явленіе: будучи несправедливымъ и присудра, нбиль до шесзюкозери, онъ никогда не зяралъ Яеноези зрѣнія; сзрасае придавала его взгляду еще болше про, никаюицую силу. Это лучше всего доказываетъ его ар, дасудическія способности: дѣйсзвудельное завладѣва, ла иль, вопреки его предубѣжденіямъ, амудиназидиль и зюридиль; для него было законе невозможно не передать, какъ и не видюаъ зюй дѣйсзвудельности. Возъ посылу его порзререа такъ шиззельны и такъ пологии, хозъ часо такъ несправедливы. Инезидикуа судозидикуа оказывался въ немъ сшзельны его сшзель, зій кезнаго геловька и даше его взглядовъ герцога и нэра.

Возъ посылу Сель-Сиконъ, котораго прихолодуря исправляе и оиробераре почти на каждой его сзра, ницъ, оеасеае зѣль не менте едигезвельныль Лу, дозидикуиль, шюобразившиль наль дворъ Людовика XIV. Это чюзаклюгенія часо лосны, но передаваемиль иль внекартонія всегда реалны. Его „Мемуары“ (Mémoires) редакуированнес въ зо шне ^{самое} (Времѣ, когда подвляея „Англійскія писма“ Волзгера и подгозоб.

идея „Духъ законовъ“ монтезескѣ. Также какъ герцога
 не хотѣлъ при своей жизни издавъ своихъ записокъ,
 то безпоощадно ~~содержать~~ ^{онъ} все, что зналъ, такъ что
 (по мнѣнію Эдуарда Энгелья) въ его „Мемуарахъ“ все
 имѣется безпорочно достовернѣйшимъ зрѣньемъ отъ изобрѣ-
 тения этого времени. Также или иначе, изъ писателей нѣмцу-
 аровъ въ это время весьма замѣчательны герцога
 Сень-Симона, оставивши 21 томъ записокъ о цар-
 ствованіи Людовика XIV и XV, ^{повѣстие о царствѣ} ^{Содержитъ 40 томовъ}
 поеди, анекдотовъ и политическія замѣтки.

Языкъ Сень-Симона равняется по своей силѣ его
 впечатлительности, — и этимъ сказано все. Онъ имѣетъ
 неровности и суровыя сужденія, полныя контра-
 стовъ, неожиданныя обороты, смѣлыя выводы,
 нескладныя и небрежныя фразы; однако онъ имѣетъ
 силу оцѣны и самооткровенности. „Я со-
 вѣтъ не академикъ, говорю о себѣ о себѣ, и всегда
 увлекаюсь предметомъ.“ Дѣйствительно, въ немъ гово-
 ритъ суровъ и непосредственное чувствѣ. Никакія
 литературныя цѣли не руководятъ имъ при выборѣ
 выраженій. Это языкъ изобилуетъ метафорами; но эти
 метафоры — не риторическія украшенія, онъ являюща
 резульгатами непосредственнаго соприкосновенія вѣщи-
 нно міра съ личностно абзора. Никакія грамматиче-
 скія, стилистическія или литературно-стилистическія тонкости

не ступают и не осуждают Семь-Симона; Эроз герцога и поря - не писаны по профессии; все зради, ции и правила, сгъсляющія и свдзываются вродно. Веніе писателя тѣ обыкновенныя смердыны, не существующи для него. Онъ пишетъ перванн и шездъ слово, котораго созвучивали бы его губеву, - будь они поволгодны или чедартылы, замислованыя у лавот, пиковъ, кресуданъ или придворныя, издичны или груды. Его фраза принимаетъ форму его мысли; онъ вьездъ, ваетъ, расширяетъ, сдбаетъ или переламываетъ ее, со, обратная не съ грамматикой, а съ содзвеченными надобностями. Онъ всегда бондъ вьразуредъ менше сильно, невели губевуездъ; онъ длаетъ безавки, на, громосидаетъ фразы и созавляетъ громадные періоды, тѣ которыя, какъ тѣ гудыныя облаковы, вьрываетъ блескъ и пламя. Наконецъ, его срутъ передаетъ все безконечное и многообразное двиснетіе души въ сфранно-преувеличательныя образы, при ярковы освѣщеніи, какъ политачелья галлтизацияи."

Ходя, какъ мы слышали, покоторые изсторики мѣре, разурри называють Семь-Симона запоздавшими геловъ, комъ, однако отъ без-закн опередилъ свой вьакъ. Эроз вель-мозна охрываетъ все мѣреазурриная правила, вкусы и прилвгидя, чтобы даъ полную возможность продвигъ своему дѣлтераменду въ своемъ содзвеченномъ

У насъ могли бы его называе и ретроградомъ

сутью; во времена Кондесквэ и Вольтера оны писали
 так, какъ будешь позволено писатъ только во времена
 Тьото и Мишле. Велюдерживезого, когда въ 1829-1830г.
 появилось первое издание его „Мелларовъ“, французскіе
 романистки изрочили иль овацито — и они были права,
 такъ какъ герцоги Семп-Симонъ принадлежали иль
 тьотомъ. Эзозъ „готическій герцоги“ были наиболые собр.,
 меныиыи художникомъ во всей предмещрвовавшей
 Революции литературы. Они напыминають собой д'Энер,
 мона и Мишле. Совершенно вярно, (Семп-Симонъ)
 очемъ мало подходилъ къ своему вѣку; по своимъ
 идеямъ эго — феодалъ; по своему землеравенству это —
 нашъ современникъ.

Вольтеръ (1694 — 1778 г.)

Передъ нами стоитъ писателъ, съ гениальной силой
 поборившій въ себѣ вредное вліяніе осуживаемаго по-
 рядка, и вышедшій на широкую, общечеловеческую
 арену, гдѣ гудала его слава, передъ королю подобно,
 когда сияющая звезда Кондесквэ. Это былъ Вольтеръ.
 Служилъ многостороннимъ и преисполненнымъ пред-
 ставителемъ философскаго вѣка, величайшимъ поэтомъ,
 историкомъ, философомъ, эсеистомъ, энциклопедическомъ
 и публицистомъ во французской литературѣ XVIII вѣка,
 соединившимъ въ своей литературной дѣятельности все
 стремленія и задуманія, все досюшера и недосягну-

*Louis de Rouvrou Saint-Simon принадлежалъ крмн
 ози Claude Henri Saint-Simon — социалиста (1760-1826)
 ози корольскій угрозитель Лимо
 истинно — истер
 гескай религии*

никались болѣе Френейскимъ дворомъ, чѣмъ француз-
скимъ — королевскимъ, и дѣйствительно, можно сказать,
что ни одинъ король не имѣлъ такого вліянія на совре-
менниковъ, какъ Вольтеръ. Цѣлый вѣкъ положе его
меченъ. Онъ былъ поэтъ и въ то же время филозофъ,
а остроуміе его не знало предѣловъ. У него были исступленія
и порицанія, но энтузіасты кричали вѣнчаніе громче.
Одни сражались его вѣнчаніемъ писателей, другіе называли
его товарищемъ Марафа и Бадіфа, ходячи въ горы, и въ
другомъ мѣстѣ пугая нисколько правды. Вольтеръ —
олимпіецъ своего вѣка. Въ каждомъ столѣтіи есть
человѣкъ, козорый возвышается надъ другими своими
дѣлами, своими идеями, и весь столѣтіе его со вниманіемъ,
ищетъ. Въ XVIII вѣкѣ идеи Вольтера уже зародились
во вѣнчаніи умовъ; Тэнъ и Фенелонъ продолжали выра-
жать ихъ, но гений Вольтера зафиксировалъ вѣнчаніе и за-
вѣнчаніе призналъ его самодержавіемъ.

Lon coeur est ici, son esprit est partout („Въ сердце
здѣсь, духъ же его разлитъ повсюду“) — такъ гласила
надпись въ приемной салони Френейскаго замка, при-
думанная прельникомъ филозофа. Слишкомъ грезь
сто мѣся она не утратила изъясненія. Во многихъ лучшихъ
судебныхъ дѣлахъ XIX-го и нашего вѣка все еще чувствуется
живое вліяніе погони, энергически принятая
на себя Вольтеромъ; нѣмецкіе ученые въ обширныхъ

Французамъ прославляютъ его генерг, какъ реформатора уголовного законодательства, смелого противника пытки и смертной казни; историкъ безразличноем орудиемъ ему и въ этой области погезные мисго. Въ закннхъ за, случаяхъ передъ теловогесзвонъ Вольтеръ не пересажухъ нижд, хотя бы въ его прошломъ и было не мало огидовъ, и нрзъ многочисленннхъ его произведеннхъ ннхъ покрв, мнхъ уже забвеннхъ. Такова взорд, нкогда лучшд ннхъ великаго писателя?

Биографн.

La biographie или biographie de Voltaire.

Франсуа-мари Аруэ (François Marie Arouet) родился 22-го ноября 1694 г. (Voltaire est né à Paris, le 22 novembre 1694. — по Полко Мадеру; 21 ноября ^{1694 г.} (по Александру Н. Веселовскому) въ Маденэ (Chaumont) близъ Париза. Слабыми и хилыми явился онъ на свѣтъ; но въ дзедущнхъ годахъ, оставшнхъ закннхъ навсегда, занялся необходнмнмъ внущреннмъ оупъ. Въ послѣдствнхъ, когда онъ сдѣлался юношей, онъ присоедннлся къ своей фамнлнхъ придворнхъ де-Вольтера, и закннхъ сжалъ ннозреднхъ этухъ придворнхъ внхго всей фамнлнхъ. Въ этухъ новонхъ мнени однхъ видѣръ анаграммъ презнней фамнлнхъ (Arouet l. j. z. e. le jeune), друге слнзаторъ его названнхъ одного малаго краскд, принадлежавшаго мадери Вольтера. „Ученнхъ“ ннодн несогласннхъ мннхъ собою въ зонъ, родился м великнхъ писателъ въ самомъ Парнхъ или въ окрестностяхъ

1) Александръ Веселовскнхъ Эрота и Характернстнкн. Москва. 1894.
 У Вольтера "стр. 273.

Парижа — во дворе палаца оу этого города — во мексиканском
 Шазен? ¹⁾ Научного значения подобный вопрос и вовсе
 не кошер, и занимаясь ими способны только зрелые
 преданной эрудиции" говорит А. Шаховъ. Знаемо ли же, что
 господином де Вользеръ (по фамилии француз Аруз) была
 сыномъ Аруз, бывшаго поэтиса въ Шазлэ, и сборщика
 судебных пошлинъ въ одной изъ парламентскихъ палатъ
 (Chambre de Comptes), выросъ и воспитался въ Парижѣ.
 Отецъ Вользера принадлежалъ къ оному замкнутому бур-
 жуазнъ этого времени, италы походившій дала съ зоданъ,
 ней аристокраціей, были повременныя и суровыя мно-
 гиль знамениты баръ. Мать Вользера принадлежала къ
 дворянству, креснылы оуцомъ Вользера была аббэ Шахамеуф
 (Шахонсръ), подобныкъ Никонъ Ланкло, геловныхъ ун-
 кой, но „изданный скептикъ“, не вкрившій ни во что.
 Эрозъ же аббэ далъ первое воспитаніе своему креснику
 и урилъ его италы по непримитной поэмъ Моисада, ко-
 торую малчикъ зналъ наизусть и съ увлеченіемъ декла-
 мировалъ, когда ему было три года. Семь италы оны салы
 италы ерли, въ двенадцать гасне драгедим, къ негодованію
 оуца, гезнаго, дилового чиновника. У матери, однако, тотвъ
 поэръ возржалъ поддержку; близкая къ знаменитой ит-
 кода Никонъ де Ланкло, огаровывавшей уиномъ гасне
 Колсера, козорый перьдко приносилъ ей на судъ свои
 произведенія, она привлекала и къ себѣ въ домъ при-

важных поэтов создававшихся Аспазии. Въ зтомъ кружке процвѣтало пылко-фриволивное отношеніе къ жизни, и любимыи поэтомъ его считался Анакреонъ, къ подражанію которому Круз-Вольгеръ перенялъ отъ своихъ друзей. При законѣ направленіи способности ребенка развѣивался басурно, и старая Никоня слѣдила за его воспитаніемъ, восклицала его чиномъ и чиниравъ оставила ему дѣлать на книги. Школьные годы Вольгеръ провелъ тоже въ оригинальной обстановкѣ; будущаго врага иезуитовъ отдали къ нимъ въ уренте, въ Collège Louis le Grand.

Все общесреднее воспитаніе и образованіе находилось тогда въ рукахъ иезуитовъ, другихъ орденовъ и вообще церковнаго вѣдомства. Именно въ иезуитскихъ коллегіяхъ получило образованіе очень значительное число просвѣдителей XVIII вѣка. Нельзя сказать, что образованіе въ зтихъ училищахъ отличалось богословскими характеристиками: на первомъ планѣ были латынь и словесное, т.е. ораторское искусство, стихотворство, риторика, сдилетика. Такое образованіе получило и Вольгеръ: изъ школы онъ могъ вынести самую поверхностную свѣдѣніи по математикѣ, физикѣ, исторіи, но зато была вышколена по части изощренія, слога, изобразительной формы. Онъ самъ пишетъ: „... Je ne savais ni si Francois I avait été fait prisonnier à Pavie, ni où est Pavie, le pays même où je suis né, était ignoré de moi, je ne connaissais ni les lois principales,

ni les intérêts de ma patrie, pas un mot de mathématiques,
pas un mot de saine philosophie; je ^{vois}vois du latin et des sot-
tises". VII, 472.

Рассказываю о многообразии анекдотов об его талантах
и заботах в училище; об его остроте воображения насравни,
какие и зовут непокорными дуэли, козорвий уме зюда на,
чаше въ немъ обнаруживается. Но эти анекдоты,
какие и вообще всякие рассказы о дворянских годах
великих людей, не всегда складываются воедино: но
большая часть их были сочинены впоследствии, какие
говорят après coup. Но все-таки и первая и вторая школы,
как и неограниченно, как, напр., о Лессинге, Шиллере, Гёте и др.
О неограниченно насравни Вольфганг сохранили свой вид
воспоминаний, но обилие сурой заведений, обдумывавший
всякую самостоятельность, ехаль ему ненавистно. Въ школе
он продолжал обращать на себя внимание учителями,
сильными скептическими выходками против религии;
прославленный в свое время, но безудержной лирикой
Мать-Барнез Руссо (род. 1670, ум. 17412.), присужден на
экзаменты (как Гёте на зорянеуветномъ акто академии
герцога Карла Виртембергского - hohe Karlschule -, где
Шиллеръ учился, или, как Дарсавин на испывании
Пушкина), были поразены его талантом юности, едлизилсь
съ нимъ, и благоговавший передъ нимъ Аруз-Вольфганг -
посылалъ ему на просмотръ свои опыты, - впоследствии

они стали непримиримыми врагами.

Въ лице Людовика Великого, где Волгостеръ получил образование, было его старшим наставником аббатъ Оливэ. До какой степени изучилъ онъ овладѣвать языки своего учителя, можно судить по тому, что даже Волгостеръ всегда сохранилъ пошлѣе и друссескiя губерва къ своимъ бывшимъ учителямъ и никогда не оскучалъ отъ литературныхъ принциповъ, которые они ему внушили, — отъ нѣхъ сухихъ и суровыхъ литературныхъ вѣщевъ. И такъ, въ изученiи коллегии Волгостеръ не могъ сдѣлаться поэтомъ, потому что любилъ обидеть и шутить. — Дворъ царя короля сдѣлался каботинскимъ, г-жа Мензенова вздумала спасать души французовъ, и весь придворный, весь слуганый, все надѣли маски мизантропiи. Это было начало XVIII вѣка, ни сколько не предвѣщавшее, каковы будеть ^{оно} конецъ. Принцы, дворяне, духовенство, поэты прозсеровали вудомолку, предаваясь ординамъ, и въ своемъ кружкѣ два, стали безговорель, ахталитъ надъ хансесловомъ двора. Скоро весь унтисе, порядочные люди присоединились къ энтисе либераламъ, и аббатъ Магоньеръ представилъ имъ своего кресника, тезднацази-гозвнго Арчс. Зогу. И такъ унтисе сдѣлалъ изъ него почти кристианиса, не смѣлъ на уроки кресникаго оуца. X

По выходѣ изъ лица, это было худой, высокiй, нескладный малый съ живою физиономiей, съ глазами,

сверкавшими умами и лукавством, позмиравшей магией
удовольствий и сурреалистичеки добирея успеха въ свѣтѣ, —
съ лихорадочными жужжаниями, ресомодіями, любовью къ
роскоши и наслажденіямъ, приходившии въ ярось при
мысли, что онъ буржуа, и давшии себѣ слово не гнѣнурь
за книжки и канцелярскии бумажки. Онъ позадѣ,
тѣмъ еще въ лицѣ приобрѣсти полезныя знакомства;
онъ завязалъ дружбу съ зоварицкии, сродившимъ выше
его по своему положенію, съ синобѣднми судей и придворъ,
накъ, съ Ламаринѣ, Мэзонѣ, д'Арсманфранс и его братьямъ,
съ двумя д'Арсмансонами и Ринелѣ; одни изъ нихъ,
какъ, напр., д'Арсмансонъ, были безцеловно преданы ему;
другиѣ же онъ старался приобресть для себѣ, въ качествѣ ко-
кровизелей, угодливою и ласкою. Никакія измѣны безъ
решимаго герцога Ринелѣ и никакое губерво озвращенія къ
нему не оуказывали Водзера. Онъ преиде всего Лозьны
вращаеся въ высшемъ ^{свѣтѣ, мнѣ въ} обществѣ, козорое всемилоет, узи,
накъ съ зичулованными особами и акурисами. Такъ
какъ его оуецъ имѣлъ поезданнвя двала съ зогданней
арисокраціей, были повѣрительныи и сурьными множиѣ
знамякъ баръ, зо эзи обшодзельсхва облегчили сыну
его доезуть въ высшее общество. Разуливередъ, арисокра-
зическіе зраи зого времени не задивали, коо закое они,
и коо закое эзоуъ новыи человекъ безъ исгорин, безъ вере-
ници славныиѣ предковъ въ прошедшемъ. Герцогъ Сомъ.

Симонъ, однимъ изъ самыхъ закоренѣлыхъ бояръ того времени, оставивши намъ такіе блестящіе и поучительные мемуары о своемъ вѣкѣ, съ такою горькою пренебреженіемъ отзывался о Волгѣрѣ даже тогда, когда онъ началъ приобретать у, въезжая на литературномъ поприщѣ. „Аруэ — писавъ Сень-Симонъ —, сынъ того козариуса, козорый велъ и кончила, и дѣла моего отца“. Нѣсколько позже онъ заимѣлъ въ своихъ мемуарахъ: „Волгѣръ — своего рода особа въ тѣхъ-то-то мѣстахъ... Но не смотря на такого рода снисходительную критику все-таки должна была поучиваться, что время это уже далеко не было благопріятно сословнымъ гранямъ и общесудетнымъ перегородкамъ. Волей-неволей скривля сердце, приходится вернуться въ сдѣлки съ этой новой породой людей, козорая годъ оъ году получала все большее и большее общесудетное значеніе и показывала своего интеллектуальную и экономическую мощь передъ старыми дворянами. Не такъ ужъ легки были эти сдѣлки; разладъ между общесудетными группами выходилъ наружу, новые люди шли въ гору, козали право, становилась все требовательнѣе и требовательнѣе. Это и дало происходить тѣмъ-то сдѣлкамъ“.

По выходу изъ мѣста Волгѣръ велъ зиму очень развѣтвляемо и растущаемо. Какъ ни старался отецъ приспособить его къ лѣтнему дѣлу, къ сдѣлкамъ, — Волгѣръ вѣдически озлоблялся, проводилъ время въ свѣтскихъ

кружилось, сидеть на хорошей ноге с известной в то время компаніей Энциурейцевъ, собиравшихся въ Тамль, и курить, и подъ рукой занимался писаниемъ. Онъ началъ сочинять сатирическіе сценки, къ плези, Эпиграмы, въ которыхъ доводилось безъ разбору всякому, кто подвернется. Очень скоро, съ своими неодо- розитыми шутками, онъ попался.

Отецъ Волгера, однако, очень огорчился, узнавъ, что сынъ пишетъ сценки и попалъ въ крѣпъ повѣсть. Онъ назвалъ его безумцемъ и послалъ въ Талу къ французскому посланнику, маркизу Шапонсу, брату аббата, кресного оуца Волгера, черезъ котораго сынъ кофарица Арцъ сдѣлался населью его брата, префектора Франціи въ Талу. Но и даль Волгеръ продолжалъ писать сценки и еще выводитъ безъ надызи въ Пемперу войну, догъ изъ вьсвонной некадетницы приключеній, славившейся своими изрѣками. Посланникъ, маркизъ Шапонсу, запретилъ Волгеру посещать неприличной догъ, но повръ не послушался и получилъ приказаніе оуца, выгнать во Францію. Онъ непротивалъ увезти съ собою Пемперу, но мамонка озаговила влюбленнаго, поэтому что красота дочери приносила доходу матери.

Въ двадцать лѣтъ Волгеръ былъ уже известенъ. Конечно, онъ еще не написалъ „Тетриадъ“, но оуручье его вошло въ пословицу; онъ былъ молодъ, красивъ,

Носе привели его въ Пале-Рояль. Дожидаясь регента посреди придворныхъ, смозрѣвшихъ для развлечения на гроу, Волгерь сказалъ громко:

„Какая беззлота на каѣ! Второ и замъ управляетъ регентъ!“

Эту выходку передали регенту, и Волгерь идалъ, что его ояго помилуетъ въ Баезуило, но ему назначили пенсйо.

„Благодарю васъ, что вы даете мнѣ Клодъ, сказала отъ регенту, зовско прошу васъ, не оубоуде мнѣ квар. зары.“

Черезъ своего креснаго оуца, аббата Шазонёръ, ^{который} Волгерь оуисеувилъ его первыя мезы, черезъ него же, наконецъ, Волгерь бовъ введенъ въ домъ великаго пріора Вандома, — въ свободное одисеувѣ Шампъа, гдѣ не признавали никакіе чужеземные ^и правеземные законы. Въ то время, какъ оуца Порей и Турнеллино развивали зерезиескіе вкусы маленъ, како Аруз, Ниннома, Шазонёръ и вомнодумцы Шампъа бови его насзодичили чужеземными воснзателдиль; все это оббщало въ резульзатъ прекраснаго чифера безъ борид.

У великаго пріора Волгерь познакомилъ съ герцо. гави Столли и съ Виллареанн; весь воезграмилъ его чномъ; отъ поставилъ оули веломость и илъ маленскій вишви. Онъ бовъ какъ въ гадъ и далъ полнцо волю своему злому азису. Дво сазиритескія нссы циркулировали подъ его и.келель. Первая, оуемъ веселая есылка въ Столли¹⁾,

¹⁾ Въ мачѣ 1716г.

въ помыслѣ герцога, не научила его благоразумно. Но въ одинъ прекрасный день отъ проснулся въ Басвиліи (1718г.), что просидѣлъ одиннадцатъ мѣсяцевъ? Здѣсь у него была дочка подурнага. Отъ понявъ, что ему слѣдовало похоро, нѣ своего шуря на фундамента болѣе прогнать, нежели удачные салонные разговоры; отъ сдѣла усиленно сѣре, шуря завоевать себѣ положеніе наряду съ великими людьми, козорали отъ послужно восхищались тогда выговѣ со вѣдомъ: Ламоззювъ, М. К. Руссо и Креденсономъ.

Между дѣлами посылъ гонимый подозрительнаго деспотизма, на немъ озвучалась ободрающая слабость нравственности. Добродушнѣй реленга, засадившій его въ Басвилію, назма, тиль ему несію за одно посвященіе. Немного позднее, какъ разъ въ то время, когда министерство выдумило Волъ, дѣра наказавъ зайно въ Руанѣ своего Тенриаду, жеземляры козорой ввозились въ Паризию могто въ фуриональ мар, кизы де-Берисеръ, ему удалось первый разъ проникнуть ко двору, и отъ сдѣла получавъ несію нѣ собезвѣстнѣ средѣвъ Марии Леопольдовской. Эта маленькая пансія была отколдована чловѣ позда, у козорого кружилась голова, когда королева называла его францезеро: „мой Бѣдмивъ Волзержъ“.

Однако трагическій смыслъ, составлявшій буржуаз, нос наследіе Волзержа, не позволилъ ему шурякъ нѣ, сѣлки надеждами и засабили его подурнага о болѣе

1) Отъ была отколдована 16 мая; на этого ^{разъ} (преслужное сочиненіе принадлежало въ дѣлѣзвѣдѣнскоюзи не ему.

солидных приобретений. Мелая сходит на равной ноге
 с злым обидчиком, быть козорого она не могла жить, она
 поняла, что ему не следовало находиться в зависимость
 от милости великого или маловажного купца-продавца;
 она за Хотьма была благодарна, чтобы зависела только от самого
 себя. Пользуясь своими связями с братьями Тари, приняв,
 шипши его в долгу в некозорных предприятиях, будучи
 очень внимательной и старательной в денежных делах
 и подстерегая случай хорошо пожить деньгами, она начала
 уже тогда же приобретать себе соседние, — самое большое,
 какое только находилось до того пор в руках мизерадора.

Такое старательное начало было прервано одним при-
 скорбным событием. Возмущенно стало казаться, что она на,
 ходилась на своем естественном месте в злом архиепископа,
 дикого перу, козорою оказывала такой радужной прием
 его озорности, и она стала франшизными и держими;
 но недоброжелательство врагов скоро нашло себе мелодю,
 воспользовавшись числом иными столкновениями поща
 с одним великим. В 1725-26 году с Возмущенно
 случилась очень неприятная история. История эта характерна,
 рисунка, — и не только как вазовой эпизод из жизни
 писателя, но и как образчик одного из злых столкновений,
 вений между новыми и старыми баранами, о козорных
 я уже говорил. До нас дошли разные различные версии,
 различные редакции этого эпизода. Я приведу его так,

какъ онъ разсказано у Маре-Маре, одного изъ самыхъ
 любознательныхъ министровъ первой половины XVIII вѣка,
 ревностнаго поклонника Бэйи, человека для своего
 времени очень образованнаго и начитаннаго. Въ это
 сообщается Маре въ своемъ дневникѣ подъ датой 6 февраля
 1726 года: „Вольтеру задали палочный ударъ. Это
 происходило такъ. Кавалеръ де-Роганъ (Rohan) безъобразно
 его въ оперѣ и говорилъ ему: „Сударь Вольтеръ, сударь Арцъ,
 да какъ вы въ сапогахъ дѣлаете звачъ? Пощь отворили ему
 что-то и пропелся на сцену фракиль Рогановъ-Шабо.
 На это дѣло пока означивалось. Два дня спустя, во фран.
 итальскомъ театръ, въ фойе, Роганъ снова и съ женою
 самими присаживаясь къ Вольтеру, который ему говорилъ,
 что отворъ ^{чуть} далъ палочку въ оперѣ. Роганъ под.
 нѣлъ зреть, но не ударилъ Вольтера, а только сказалъ,
 что на это слѣдуетъ отворить палочку. Черезъ два три
 дня онъ послалъ сказать Вольтеру, что его ждетъ
 къ обѣду герцога Стюлли. Вольтеръ, не предполагая, что
 все это штука со стороны Рогана, идетъ на обѣдъ. За
 обѣдомъ лакей говорилъ ему, что кто-то проситъ его
 сойти. Вольтеръ спускается на улицу и попадаетъ въ
 руки зрелье господствъ, которые процарапали его палоч.
 ными ударили. Товарищъ, что Роганъ смотрѣлъ на эту
 экзекуцію изъ лавки напрозвѣвъ. Намъ позръ крики
 во все горло, хваляется за шпалу, идетъ къ герцогу Стюлли,

Французская история литературы XVIII в.

которой находил эту музыку дерзкой и неприличной. Вольтер озирали в Версале. Стали думать обещать, даря это дело. Через несколько дней Марк записывал следующее: „О палочники ударай Вольтера уже больше не говорю, он оселел за ним... Эмисков Бласский сказал, но слышал этой истории: „для нас было бы большим несчастьем, если бы у поэтов не было хребтов.“ Говорят, что Гогань во время экзекуции сидел в экипаже и кричал исполнением: не бейте его по голове, а зонта, сходящая кругом, приговаривала: ах добрый барин! Несчастной избушкой поэты раки и лезеря нарочно втыкали на глаза — и при дворе, и в обществу, но никто об этом не замечал, и это, поговорили они сифаль друзьями, озвораживающей ох него. Слыши ходят, что и поэт Бюа получил розне порцию палок за Эмиграцию.“ Наконец, через несколько месяцев, Марк охоту, гаеть в дневнике: „Вольтера посадили в Бастилию, потому что ему застала в голову мысль — во что бы то ни стало озонсирь Гогану. Гогань, размышляя, охоту доверять, что его чирьдали? Захотел Вольтера освобождать из тюрьмы, но баслам за границу. Он уехал в Англию.“¹⁾

Такова курьезная история, которая живо рисует нам общезвестные нравы того времени. Не видны, какими незабываемыми попоминаниями во французском

¹⁾ См. стр. 45 и 46 у Шатова.

общесвѣтъ пользовался мизрагорь въ двадцархвѣ годах
 философскаго вѣка. Когда Волгерьъ возвалъ на дуэль
 оскорбиделя, вельможу Рогана, тогда она захъ вѣриво,
 шиль его самсто, что она пузила въ ходъ все свое вилъ,
 яние, — и Волгерьъ биль снова — какъ мы зовско что слы,
 мали — брошено въ Базилию (1726г.). Вероятно намъ,
 что это очень удобный способъ избавится на время отъ
 безпокойнаго человека. Но самоуправство было слишкомъ
 очевидно, и дружины позжа удалое выхлопотале декреть,
 освободивши его подъ условіемъ выезда изъ Франціи.
 На два года она отправидеся въ Англию, отъзаванную
 схрану для вѣдѣль, кого привлекала новая наука и по-
 лическая свобода. Какъ для Кондрескѣ, такъ и для Вол-
 гера предиваніе въ Англии стало высоко полезного
 школой, гдѣ укрѣпились его воззрѣнія, гдѣ оубовенная
 догадки и частные прозрѣны изъяснили мнѣго сурого об-
 дуванной програмить дѣйствій, гдѣ мочь свободно пи-
 сать и говорить, но, не забивъ обиды, пригизмалъ въ Па-
 ризь оуискалъ низкаго врага. Его хозали отъзъ заса,
 дѣръ въ Базилию, и она послѣмиле вернузся въ Лон-
 донъ. Тутъ она началъ содирать оружіе прозвѣль казони,
 изъята, изучалъ философа Меркзедтори, школу Ньютона
 и увидалъ ясно, что вѣдъ Франція — невольница предраз-
 судковъ, что народъ срадаеся подъ игомъ дворянъ, дворяне
 подимивозел придворивилы, придворное рабѣ короля и

его любовницею, а королева управляетъ сему. Волгера
 была престою италю нации, научилъ ее иезуитъ, но
 болше всего хотела озлобить враговъ. Волгера прожила
 три года (1726-1728) въ Англии, изумилъ поэзовъ и филосо-
 фовъ, писавъ и пр.; но зюлка по родителъ мувила его, и она
 вернула въ Лондонско въ Парисе, рижскъ онъ понае въ
 Басилию. Она прядалъ въ предмете, видалъ зюлко съ
 преданнелми друзьями и задолжалъ поскорее одоладителъ,
 тогда приобрелъ силу. Прелодъ три цыль, ось не оу-
 вергалъ никакиелъ сределъ, не оежанавливалелъ ни перелъ
 какиелми преладелъ. Въ три года, она написалъ тееу
 милбонелъ. Мало зого, что она продавалъ свои произве-
 денелъ, разбегривалелъ тилъ въ Лозерелъ, она училелъ далше
 въ Зорговилелъ, продавалелъ и покупалелъ хилелъ, бралел поелавки
 на бойско и оежановилелъ, когда получили 400,000 тилъ.
 ровел дохода. Тогда она началел тилел сидарилел, сорилел
 денелами и з.д. X

Волгера однако не безпокоилъ въ Парисе, иенно,
 когда герцогъ Морена попомилъ конецел изгнаннел Вол-
 гера въ 1729г. Телелъ Волгера находилел подел силелвилел
 вилелзлелвилелъ всего виданнелго тилел, наелелзрилелвалел,
 нилел и во всеорудилел. Она прелвилелелъ удавилелвилелю дилел,
 зилелноелъ, и когда умелла Лелубрилел и ел не хотелли
 хоронилел по ерилелзилелски, она написалел прелвелходилелю,
 стилелю элелю. Фелулел онъ началел кампаннелю прелвилел

державного поэта, но онъ издвинулся оубъ Басилии званъ, то
 Басилею въ Руанъ, въ Эквипажъ одного лорда, и вернулся
 въ Парижъ, когда гроза прошла. Ни зрители, ни надежды
 его двореній не занимали Вольтера, такъ онъ привыкъ
 къ зоту и къ другому. Онъ присуждался къ всеобщей
 обществу, къ его празднествамъ, проводилъ время въ кругу
 прекраснѣеиъ женщинъ, придумывая илье коммедиантъ,
 и если не спалъ по ночамъ, до поздна, то усиналъ за
 полночь и позанъ игралъ въ фараонъ, проигрывая хладно,
 кровно огромныя суммы. Явление въ свѣтъ его сочиненій
 Le Temple du goût („Храмъ вкуса“) возбудило прозвище него
 бурно собраний его либераторовъ. Мнѣ поддержали преси,
 все его враги, и онды передъ нимъ явилася угроза Баси-
 лии. Иезуита добились зото, что его философскія ислѣна
 были соисинены на площади ружого палата и Вольтеръ
 принужденъ былъ онды Басилею.¹⁾ Утождая онъ сказавъ:
 „Я скоро вернусь въ Парижъ, потому что иезуита доигра-
 вать послѣднй актъ своей комедии“. Днейшвыденно,
 онъ скоро²⁾ вернулся и напечаталъ „Посланіе къ Ураніи“.³⁾
 Новое соченіе заслужило его отказать оубъ своего произве-
 денія и приписавъ его аббату Шовве, которій въ это время
 умеръ. „Смерть Мозаря“⁴⁾ возбудила неудовольствіе двора,
 лодя Вольтеръ доказывалъ, что трагедія его сочинена не
 республиканская, онъ зотовъ былъ на все, лишь бы оудался
 въ своемъ любимомъ Парижѣ, и такъ какъ его слова ишли

1) на это разъ божилъ онъ въ Мозаринию.

2) черезъ ивсду

3) „Épître à Uranie“ (1722).

4) „La mort de César“ (1735).

милым болсмой воеи и повзорялись чуже не всего Европою,
 зо велможни и государезвенные люди ласкали его изъ бо,
 взыи и боли всегда во воезорть оръ его выходовь.

Какъ видно, Вольтеръ въ зеченіе пьсковскихъ лѣтъ
 велъ очень безнокоймой образъ жизни, попеременно жилъ
 въ Паризь, Руанъ и другіе мѣста. Событенной кварриры
 оны не имѣлъ: и до оуѣзда въ Англию, и генерс оны жилъ
 у разныихъ придзелей, платилъ за свое продовольствіе и гасо
 пѣнью мѣхезоинженствѣ. Во живая, безнокоймой наука
 мѣстала ему отворст, завесу отдалоест. . . Оны продолжалъ
 писатъ драмы и сѣхозворенія и во зо мѣ время занимался
 философіей и есцезвенными науками. „Писана одъ Англии“ (Lettres anglaises)
 издамны въ 1733 году, вызвали во правдицыи есцеракъ болъ,
 шое неудовольствіе. Самому автору было небезопасно озавагда
 въ Паризь.

Оурывки изъ его „Орлеанской драмы“ (La Pucelle) ходили
 по рукави, и позжа предупредили, что если оны оскѣнред
 манерадъ зру неприличнурѣ поэмѣ, двери Баскили за.
 крогодъ за ними навегда. Эза вогная угроза надотыла
 наконецъ писателю, козорому опрозивтало законѣ обществѣ,
 гдѣ начали слишкомъ восхвалять Кредитсона и Фронзенеля,
 и оны удралелъ ^(въ 1735.) оръ свѣта, въ Шампань, въ гинкомпенной
 замокъ Сире, съ Лороменского менциного, гдѣ въ уеди,
 меніи предастъ науку и модви у своей придрѣстнурѣ
 А-те Дю-Шагль. Въ Сирѣ Вольтеръ просилъ ровно

1) Marquise du Châtelet. Съ зрой поры въ его жизнь влодуръ βασισαη по своимъ
 поспидерѣдныи влѣніе чинной, развизой, кождъ пьсковско французской менцины,
 сблнченіе съ козорой началось незадалго до его бѣсгерва, а окончилѣст мнѣт со смерти
 маркизы. Она дю Шагль соединила съ эррекциной наукою оуѣдно родное въ зобренія образованіе,
 свободнѣ писала полагени, правоконно знала математикѣ и есцезвенной науки.

десять мать, подъ охраной деспотической и благообразной
 прекрасной Эмили, — государственно близко озя Парисиа, чтобы
 урасствоваръ въ жизни своего вика, и озя границы, чтобы
 оказався въ безопасности при малѣйшей тревогѣ, Сирей
 была для него школою той жизни, которую онъ позже
 велъ въ Ферне: тамъ онъ научился жить обществу
 и добиваться на него издалека. Маркиза дю-Шагль была,
 въ полномъ смысле, свободного меншиного XVIII вѣка. Она
 любила науки, удовольствія, искусство, философию, нарѣды,
 карфы, была чина, образована, безноконнаго характера,
 не вторила въ Ариэзианство и смело объявила свой девизъ:
 цѣль жизни — счастье. Встрѣаясь съ Волгеравъ, она скоро
 сошлась съ нимъ; ^{интимный человекъ,} мушь ея, ^{была} позже философа, озира,
 бывшійся вѣнсье въ меного и Волгеравъ въ замки
 Сирей! Маркиза дю-Шагль писала въ это время чревое
 драматос и изучала древне языки. Однако, это единение
 было не очень покойно для Волгера. Прекрасная маркиза
 часто ссорилась съ нимъ; она надраивала, чтобы ея поэра
 не писала больше сжиковъ. Къ этому ее побуждала скорая
 Бодуа, неселимъ озрачение озя поэзии. Она повила Своя.
 ского человека (Le Mondain) съ его анологией роскоши
 и неограниченными выходками прозвѣ Библин, изъ-за
 котораго Волгера должево было внезапно озравиться
 въ Толландино въ 1736 г. Она держала подъ замкомъ Орле.,
 анскую двавуемницу (Pucelle) и задернала „Вѣкъ

1) маркиза искала себѣ утѣшенія, внося въ кандидатство привязанность вели
 едрасности болао одаренной наука; узнавъ Волгера, она поняла, что доски
 на цѣли. Съ тѣмъ поръ какъ они поселились въ замкѣ Сире, для одовѣ
 насава долгий периодъ удивительныхъ размышлений и безмятежной работы; древо
 ги прекратилась.

Людовика XIV. Враги продолжали преследовать Волтера клеветами, на козоряд отъ озвучалъ манфредами и без-
 рассленными письмами. Маркиза д-но Шафэ охраняла
 его доверенство, тогда ему ввдывался въ чинизель,
 нуо поделнику въ Дефонзанами¹⁾ и другимъ паствилды,
 фамы. Въ общель влиние маркизы было благодарельно,
 она, спасла Волтера отъ многих сумасбродель, "Вели бы
 его не удерживали, отъ насилие бы себе болельных кло-
 нель", говорит мадам де Трафорини.²⁾ X

Волтеръ часто поздилъ во Фландрию и давалъ въ Брюссель праздники, производившие болельной эффект. Болель
 всего отъ заболель о зель, тогда дель какъ можно
 болель шуру, тогда фелько его не заболель и не пересра,
 бали о нель говорит. После дель дель озурезвель
 отъ снова подвель въ Паризель. Въ 1746 г., отъ въ
 зрель разъ явилель кандидатомъ въ Академели, зель
 нель было мало его славы и популярности. Отъ вдухель
 попалъ ко двору. Президе, надобно было пробрель въ
 зель, къ зель Поппадуръ, принявшей Волтера пре-
 вослель, и возъ неогиданно, благодаръ предельленель
 коропа, одной малой комедии, написанной по случель
 свадьбы дофина и бывшей дель авторъ насройнель зрель,
 фель, отъ приобрель благосклонель двора, зель,
 маель съ марель полицель, маель о минисрель;

1) Волтеръ, задолгий кризиской аббата Desfontaines, написалъ въ 1738 г.
 le Présentatif, въ озвель на что аббате вывелъ la Voltaironomie (1738).

2) Д-ра "зрелька", довольно неудачная писательница, зель въ 1733 г. нелько-
 рое время въ Сурель и была, фель обраделъ, оевидель о зель, козель
 вели обидель нель дель зель. На нель я показанель съ зель зель.

въ 1743 г. его послали съ порученіемъ въ Пруссію, но
 когда онъ прибылъ въ Берлинъ въ качествѣ оффиціоз-
 наго полномоченнаго французскаго двора, желавшаго
 засравить снова ^{нѣмцы} возрѣея за оружіе своего невольнаго со-
 юзника, — надъ (Вольгеромъ) оскорбительно издѣвались,
 какъ надъ посломъ Людовика XV, и волеизъявительно указыва-
 вали за нѣмь, какъ за поэта, философа и литератора
 друга короля, а сами король прусскій принималъ его
 не какъ посла, а какъ поэта. Жизнь и кончина
 его политическая карьера. Возвратясь, онъ получилъ
 чинъ камергера и званіе королевскаго историографа. Вскоре
 за тѣмъ онъ дѣлается академикомъ, политическимъ ре-
 дакторомъ, займалъ дипломатическія агенства и оф-
 фиціальнымъ поэтомъ. Ему поручили писать баллеты,
 канцары; въ его лицѣ готовилось осуществиться то,
 за что восхищало его въ Англіи. Но неосторожныя
 шаги, которыми воспользовались завистники, поссорили
 его съ мадамъ Помпадуръ. Кроме того, король не любилъ
 чинить людей и боялся Вольгера, которому наскучила
 придворная жизнь такъ же скоро, какъ уединеніе, и
 онъ отказался отъ погостей, потому что не могъ долго
 переносить придворнаго ма. Онъ покидаетъ дворъ; его
 встрѣчаютъ у герцогини дю-Мэнъ, въ Со и въ Анэ,
 за тѣмъ — снова въ Сиретъ и въ Мотевилль у короля
 Станислава Лещинскаго. Онъ попрежнему постоянно

работаяхъ, пишемъ, указываюхъ въ спектакляхъ, но уже предъ, сдѣлать собою болѣе важную оеоду; онъ ни охъ кого не забываетъ, не снужаетъ себя нише кого ^{до} рѣ ни было и ни передъ кѣмъ не сдѣлаетъ.

Теперь идаль Вонзера несзюкн ударъ. Маркиза дю-Шагле умерла; въ Лиеввиллѣ позеряль онъ зру своего любимую призрастину (сентябрь 1749г.) и онъ долго не могъ забытьсѣ. Онъ прожилъ съ маркизой около пѣтинадцати лѣтъ, до самой ея смерти. Конечно, не все зру братья онъ провелъ въ Сирѣ. Какъ мы уже слышали, онъ нѣсколько разъ озлучался зо въ Голландию, зо въ Брюссель, въ Берлинъ, въ Лиеввиллѣ - ко двору короля Ложарина, скаго, а въ 40-хъ годахъ подолгу жилъ въ Паризѣ, усердно посѣщала высшее общество и дворъ. Въ 40-хъ годахъ его извѣстность еще болѣе увеличилась: онъ былъ членомъ въ Академіи, 9 мая 1746г. аббатамъ д'Оливѣ, получилъ придворное званіе и сталъ быть исторіографомъ. Событвенно въ Сирѣ онъ преимущественно жилъ въ 30-хъ годахъ, и въ зру эпоху окончательна сложилось, ухотило и открыло его міросозерцаніе. Когда онъ смертно позеряль своего любимую м-те дю-Шагле, тогда думали уже, что онъ забудеть оурихъ, переселенхъ стѣнхъ, но онъ скарался развлекать себя работою, давала праздники, ухотивалъ спектакли. Онъ вернулся въ Паризъ и занялъ домъ, куда въ качествѣ хозяйки была вызвана одна изъ его обзобившихъ

тлемятницъ, мадамъ Демиль. У него въ домѣ были галлрѣ, на козоровѣ отъ пробовалъ свои псебѣ; здѣсь же, на своей сценѣ, отъ открылъ лекція, великаго зралика зой знали. Къ этому времени Волгертъ, какъ уже сказано, окончательско сложился. Событій XVIII вѣка предупредили его, что, если отъ Логеръ господствовалъ попрезиму на дѣ общесрвен, кромѣ мыслителя, отъ долженъ оударся философскою борбѣ. Но съ первыми же ступень отъ поубеждалъ, что пребываніе въ Паризѣ для него невозможно. Тогда отъ принялъ предложеніе прусскаго короля, обещава- того ему безопаснаго, покровительствѣ и свободѣ. Это было послѣдній опытъ, козоровъ ему еще оставалось сѣ. Уже ранше Волгертъ имѣлъ сношенія съ Фридрихомъ II.

Первое письмо отъ прусскаго наследнаго принца Волгертъ получилъ въ 1736 г. Юный принцъ съ родоу и благоговѣніемъ очитался написать это первое письмо великому учителю. Фридрихъ былъ ^{тогда} тогда въ Веймарѣ, въ опалѣ, подѣ усиленнымъ надзоромъ; кромѣ болше отъ убуждалъ отъ на себя знаръ грудаго и невоспитаннаго отца, звалъ съ болшими увлеченіемъ оудавался гуманной проповѣди новой науки и поэзіи; для него, кромѣ не существовалъ выше Волгера; отъ посылалъ ему бюста Сократа, и отъ посланнаго разузнавалъ подроб- но, какъ живелъ великій человекъ. Тогда уже возникла у него мысль перенести Волгера въ Берлинъ, пре-

бражившаяся со временем в какую-то неизлечимую
 ханжу, почти не ослабевшую даже после той резкого
 разрыва, какъ мы это видели въ послѣдствіи. Принца-
 димеззану прислала поэту свои французскіе стихи,
 корректуры своего „Анхи-Маккиавелли“, и получила
 въ обратномъ съ массою поправочекъ. По возвращеніи на пре-
 сьоль, ^(въ 1740г.) онъ посетилъ писателя Волтера, поклялся оу-
 дасть всего себя служенію гуманности, хотѣлъ охранять
 просвѣтъ гражданственности и его искренними друзьями, и
 просилъ никогда не изувольвать его. Волтеръ величалъ
 его за-то оутомъ „Votre humanité“. Онъ зонко понималъ,
 что сближеніе его съ Фридрихомъ можетъ быть полезно
 не для него зонко, но и для французской политики,
 неосторожно вдался въ дипломатическую интригу, сра-
 жаясь развѣдатель Берлинскія политическія тайны. Король
 оказался еще хитроумнѣе и, желая поскорѣе Волтера
 съ французскими правительствомъ, хотѣлъ зѣломъ легче
 привлечь поэта къ себѣ, оутомъ перехватилъ письма
 его и направилъ въ Парижъ къ его злѣйшему врагу.
 Положеніе стало насущно опасно, что Волтеръ по-
 лезъ въ Парижъ, хотѣлъ оудать оузеръ въ переговоры
 и уладить недоразумѣній. Это сначала удалося, онъ
 получилъ ^{даже} званіе исторіографа, и другія почести, извѣ-
 стія нечеловѣчней еще въ немъ зиславили. Но онъ
 не оправдалъ надеждъ, козоровъ при Этомъ, былъ мотерь,

на него возлагался. Вследствие заглавной неприязни Викара, Ионие произвело суждение поэта к г-же Понинаур, показавшейся оскорбительным королевств. Она потребовала ареста Волгера, но он снова укрылся в Сурз и удаляясь презрительно задрожив философию и ересувозможности. Уединенная работа и основательное чтение дочинив науки, позволившее ему выехать с его подругой привилегии на себя решение зрительных конкурентов задачи Паризской Академии, не удовлетворяли его однако; зловещая рамка шизии угрозила, а сближение с Фра, писавшим Лещинским и его крохотным двором в Мюневице дало слишком слабую зачатку разнообразного озвучения Париза. Волгеру, собственным споспешившим с обезановкой мирового города, недоедало долгов, козюря его знала, любила, жертвова его охраняла, и побивалась, когда, услышав не во время нарушивший ход спешивший знак одобрения или порицания, он кричал из глубины души: „сезано, видест, варвары; дослушайте до конца!“ Тенерг он скручал, а Фридрих не пересаживал маниж его к себе.

Привязанность к подружке еще озвучивала поэта, — векорь и зурь пришлое исповядь разогарова, ние. Молодой придворный Франислава, Сетя-Ламберт, недурно писавший срихи и со временем придрогнувший извощеное своим „Временами Тоа“, увлек сорока-

польского маркиза юности и издательства. Волтеръ съ-
 тайно раскрылъ эту связь, переселивъ себя и остался въ
 Сирэ. Когда же маркиза умерла отъ родовъ (1749г.), Вол-
 тера глубоко погрязло горе; онъ ^{упалъ} въ обморокъ, бился голо-
 вого о плечи мезовой; но позола, передвѣря перешеску
 маркиза, онъ узналъ различия ея сердечной тайны, а
 въ подаренныхъ ему медальонъ нашла уже поррера
 Леон-Ламбера. Все въ порядкѣ вещей, — съ горскими
 събитіями восклицалъ онъ. Одни гвозди видѣваются
 другою, и, озвѣтивъ рѣшение навсегда выселиться изъ
 Франціи, вернулся было въ Паризь. Онъ засталъ тамъ
 болѣе оживленіе въ литературномъ мірѣ и образова-
 ніи общества; выдвинулись новые таланты просвѣта,
 желаннаго направленія, Дидро, Даламберъ, и готовы были сгруп-
 пироваться около него. Но онъ не рѣшался еще порвать
 своихъ оффиціальныхъ связей, а при дворѣ выказывали
 къ нему при каждаго слуга холоднаго. Людовикъ про-
 сить его не упоминалъ даже чаше въ публичныхъ рѣчахъ
 и въ ненавистнаго прусскаго короля. Волтеръ, замѣтивъ,
 что отношенія обездѣланы, для виду спросилъ, позволено
 ли ему, какъ исторіографу и члену Академіи, пер-
 ейти на службу въ Пруссію; согласіе было дано немедлен-
 но, такъ какъ его „никто не удерживаетъ“. Черезъ пять
 дней (въ 1750г.) поэтъ отправился въ Поздань, гдѣ его
 ждалъ камергерскій ключъ, орденъ, двадцать тысячъ лировъ

маловань, гоговат кваррра, езол и Экинашь, и зочько
одна обяданное — поправяет сочиненія короля. Воездор
оченно Волгерь описывалъ Поедашь друзьбь мь, не за-
мечая того, что огузился въ болшой казармь, пере-
полненной 50,000 солдатъ, и что свобода, которого будро
бы волгерьей населеніе новой сьраны, оченъ сомнительна.

Писарель воображилъ, что онъ найдеть свободу при
дворѣ короля-философа, называвшаго себя другомъ Волгь-
зера, но онъ ошуделъ и зуръ и уше въ ноябрь (1750 года)¹⁾
займь муренія державою Волгьера, а въ декабрь онъ пи-
шетъ своей племянницѣ, сидѣ у пелки, съ зѣмелой го-
ловой и опечаленнень въ сердцель; онъ спрашиваеъ се-
бя: „Зачьмь же я зинь въ зѣмь дворцѣ?“ — г.е. въ Савь-
Суси; у него явлаеться вопроетъ: „Какъ умкаетъ оуслода?“
и онъ дѣлаеъ слѣдующій выводъ изъ своего приключенія:
„Я изудаетъ во многиль угроженія; но я найду ить
не у королей, а въ индереатурѣ и въ искуствѣ.“²⁾ Разочаро-
ваніе было полное; разрывъ былъ зѣмько вопроетъ вре-
мени. Велтадѣвіе мелогмоетъ и придуриваеъ Волгьера
въ дечесиньскъ дѣлашь, у него произошли шурнень
препирательствъ съ евреель Турмелъ, вооружившия
прозвѣсь него Фридриха. Зачьмь королю были переданы
токозорья непогнуданьскыя выраженія Волгьера. Фрид-
рихъ не оузался въ долгу, и Волгерь узналъ, что король
зачьмь по поводу него о Лилонь, которой „выбрасъ,

1) Волгерь приехалъ въ Поедашь 10 июля 1750 г.

2) Сл. Писма Волгьера отъ 24 июля 1750 г. къ г' Армангалто; отъ 13 окт-
6 ноября и 26 декабрь къ А-те Дешиет и всего его корреспондентцито за
первые шестъ мѣсяцевъ его пребыванія въ Берлинѣ.

вазою, когда мы его выжать весь сок. Таким образом, между королевой и Вольфеном шла некоторое время ту, как борьба выражавшаяся в обычных похвалах и осуждениях, которые принимали зарать еще более ядовитую форму во время их обычных друзей.

Открытая ссора вспыхнула по поводу дела Моперзюи, президента Академии, который Фридрих ослеп горючими Надменным и упрямый Моперзюи велела исключила из Берлинской Академии одного мажоранга, по имени Кёнига, обвинивши его в подлоге. Вольфен, ревниво, вавший к Моперзюи, королю королю оказывала большое расположение, приняла сторону Кёнига и захотела до, биться изгнания самого Моперзюи. Возбужденный спор, завлечение и раздраженный борбодо, он выпустил своего знаменитую "Диалог доктора Амакия", Моперзюи в это время польско религия. Он написал курьезный пьес, на обь усталах знаний. В это время писатель Моперзюи разбивала самые вздорные проекты: он предлагала взор, вах египетскую пирамиду, для того, чтобы поможраж, какия займе заключены в пирамиде; или пропустить дыру к центру земного шара также для удовлетворения чужаго любопытства; учроуе латинский город, где бы говорили, писали и проповодовали французско по-латински; подвержт бибисекции презумптивных для того, чтобы проникнуть в отношения духа и тела, и пр. Вольфен

1) Laissez faire, on presse l'orange, et on la jette quand on a avalé le jus.

Ветанъ Эзиль воспользовался для злого насквиля на Мопер-
эои, козорый вышела подъ заглавиемъ: Diatribe du docteur
Атакіа. Король, разсерженный зтавь, что поднимали
на счетъ президента его Академіи, велель смеръ дорукіи
насквилъ и кровь зого озвѣчалъ на него самолично, не
пождавши при зговь Волгзера, о козороль озозвался,
какъ о нагломъ лжеце. Волгзеръ вернулъ зода¹⁾ королю
весь знаки озлигид и пагензы, и просиль позволенія уѣхать.
На згозь разъ Фридрихъ упросиль его озагзея, хотя оба игра-
ли назъмудрую комедію. Волгзеръ писалъ роднымъ, что
содиразъя соззавилъ недолгой королевскій словарь: „мой
другъ значилъ мой радъ; я вась сзглато сзаслывиль зна,
гиль я вась буду нурилъ, пока вы будете миль нурилъ...
Теловька переманивалоръ съ родимы савильи связенъ,
нильи обгоцаніи миль и обиснаторъ самого черного злобой!
И зго зоръ, козорого когда-го я сзигалъ филозофоль, козо,
зого называлъ Соломономъ свѣра!“

Фридрихъ казался чезроизъ прикиреніе. Но на згозь
разъ Волгзеръ озагзея непоколебиль: годъ чрепшезуба конъ,
гильи для него. Масзойниво повзорая просоду одъ уволь,
меніи, отъ получилъ разрѣшеніе высталагъ 26 марта.
Король суръ просудилъ съ нильи на сзозру. Извъездно,
съ какими фразикомическими приклогеніи миль Волгзеръ
прохалъ Германію. Погувервовавъ себя на свободу, сзди-
рилъ возобновиль нападки на Моперэои и вынудиль

1) 1 января 1753 г.

въ Лейпцигъ Броштору, Мирный договоръ; самому Моеруони
 отъ написавъ письмо, блестящее самого гдского наставникомъ,
 воеводу. Фридрихъ, при видѣ новаго памфлета, безрешительно
 писалъ, что и отъ козней подвергнется той же участи,
 отъ боялся разоблаченія берлинскихъ порядковъ и озно-
 шений, но, въпервыи въ разѣ, безпокоился о своихъ друзьяхъ,
 рендитахъ, оставшихся у Волгера, особенно о цинцигской
 поэмѣ Palladium, осмѣивавшей двусмысленный походъ,
 деня одного берлинскаго француза и заклимавшей въ
 себя злые намеки на интриги версальскаго двора, на
 г-ну Поппадуръ и ин. др. Фридрихъ подумалъ, что Волг-
 геръ не зазрѣдится генеръ напегазатъ эту поэмю, съоло
 компрометирующую короля, и рѣшилъ отправить погоню
 за поэмомъ. На пути, во Франкфуртѣ Волгера заарестовали
 и обыскали. Агенты Фридриха (Фрейгауъ и Шмидтъ) завалили
 въ своихъ усердїи. Похищая права вольнаго города, они даи,
 съвоали самоуправно, оскорбляли поэта придирками,
 до прибахія его багаса приехавши къ дому прусскихъ
 солдатъ, сопровождавшихъ Волгера во время прощанья;
 когда къ поэту пришла племянница, и ее взяли подъ
 стражу. Поэтка эта дмлаетъ тридцать дней. Когда при,
 балъ багаса, поэты въ кель не было, — но Волгера все
 не выпускали, а посла его попушки бгсва подвергли
 еще болѣе строжкому надзору. Въ городѣ поднялся ропотъ.
 Наконецъ пришелъ приказъ отпустить узника.

Кто во всеях эрхях долалъ веноварь, — судитъ
 нечего; Это гасный историн, не имьющия, особенной
 общесуденной вачиноези; очевидно, что и съ зой, и съ
 другой стороны была неправда. Но чюв если пошло дело
 на вопросъ о виновности, то надо замечать, что боибшая
 доля вины во всеях эрхях сполкновенидяхъ падаеть на
 Волгера. Его поведение гораздо болше предосудительно,
 чымъ поведение Фридриха, орь котораго нечего было
 и ошндать много. Вообще все эрхемознее предбываніе
 императора въ Берлинъ — Поздальтъ — періодъ въ его жизн,
 ни печальнѣй въ нравственномъ отношеніи и мало
 плодотворной — въ умственномъ. Это совсѣмъ не то,
 что его предбываніе въ Англии или золотые, эрхедовые
 годы его жизни въ Сире. Какъ ни смозреть на дело,
 все-таки онъ былъ въ это время придворнымъ поэтомъ,
 писателемъ, игралъ роль философа — куртузана, — и самъ
 долженъ былъ поплазидься за такое положеніе, совер-
 шенно несовѣстливое съ гандзидливимъ и эрхимо свободо-
 логомъ Мисслера и мизерадора.

Огузвившійся на волю, Волгеръ сначала не зналъ,
 гдѣ найди уютнѣе. Въ Германіи онъ встрѣчалъ много
 согувервий, какъ готимой самовласціемъ, но королев-
 скіе агензы могли бы ввиду завладѣть имъ; думалъ онъ
 и о въ Америку, гдѣ основалъ бы „критичъ философовъ“;
 и о Парижѣ, но наконецъ онъ добрался до Вѣдаса. Онъ

онъ скрѣлся въ злолю своимъ убѣжденіемъ не для того, чтобы
исчезнуть, а напротивъ, — для того, чтобы дѣйствовать
усиленно, совершить грѣше и дѣла. Въ это мѣсто
начинается царство и апогея „патриарха“. Онъ построялъ
въ селеніи церкви съ надписью: Возверь Богу,¹⁾ и самъ
говорилъ въ ней проповѣдь, давалъ бѣднѣшамъ дома, учредилъ
фабрику часовъ, осушалъ болота, воздѣлывалъ земли.²⁾

+ возр образцы
судороги образцы

Послѣ Париза Фрэнзъ едѣлся въ то время взорванъ
сборились пункты всей образованной, просвѣщенной,
той Европы. Сюда стекались озовсюду къ Возверю какъ
на Богомолье. Отсюда разсылали онъ свои философскіе
манускрипты и руководили парижскими философскими
кружками. Фрэнзъ едѣлся для философовъ званъ,
члѣнъ Академіи для искусствъ и вѣсь оуправлялся зуда
на поклоненіе новому патриарху. Принцы, иностранцы,
писатели, арцудеи, знатники, даже духовные сановни-
ки хлопотали, какъ о милости, Богу предсказывали
въ Фрэнзъ, гдѣ давались блестящіе праздники, на
которыхъ, однако, Возверь являлся на мизеру и оязъ
затирался въ своемъ кабинетѣ.³⁾ Но онъ былъ некастривъ,
пользуясь славою, богачествомъ, всеобщимъ уваженіемъ.
Вторглись на него масонники и кризисы враговъ, и онъ
озвѣдалъ имъ съ большимъ злоестью. Мать. Мать Руссо
не преклонилась передъ нимъ, и Возверь мѣдилъ ему
злестоко. Однако онъ продолжалъ разсылаѣтъ благоуханія:

1) „Deo erexit Voltaire“

2) Перенесався въ зеченіе пѣнадцати лѣтъ съ Екатеринаго II, черезъ
несколько лѣтъ онъ возобновилъ переписку съ Фридрихомъ, королемъ,
правда, была гораздо сдержаннѣе президио, но все-таки наполнена всяки-
ми любезностями.

обозначили и выдали за мужа родозвешницу Корнель,
 защитившая ^{Сирвена, Лаборра,} Каласа, Мондальси, де-Лалли, заслужившая Лю,
 добрика XVI освободила гугенотей Юри от наказания, за,
 сдана за верность призываемых. Но не смотря на все
 его благодеяния, духовенство не оставило его в покое и
 требовало его удаления из Франции. Изнурительный при-,
 дирками, болезной и уже старый тицарелт предвиль гогов-,
 мосье исполнил обязанности христианина, но епископ
 запретил свиданнику освобождать его и приказать.
 Волгерь насодил однако на своем и, приговорил чин-,
 ративить, заслужив канцлерского монаха озвучил
 ему грехи. Этот скандал произвел много шума.
 Волгерь продолжал эту комедию, получил сам в
 канцлерский орден, начал переводить псалмы, сло-,
 жавши монаха в кардинала.

В 1778 г. в Париже произошел случай, что скоро
 приехал Волгерь. Дважды в год, после двадцатилет-,
 нго пребывания в своих бургонских и швейцарских
 итвонидях, Волгерь решил, наконец, отправиться
 в Париж, где теперь все обещало его перертывной радостью
 осидало его предвиль. Людовик XV умер за несколько
 лет. Новый король — смирной и бездарной Людовик XVI,
 не симпатизировал Волгеру, но уже прошло то время,
 когда Версал правил Парижем. Общественное мнени-,
 е в последние годы сильно выросло и открыло.

1) удаливший его из Парижа,

Варсава и дворъ окончателсно срушевались передъ „городомъ“ (la ville), передъ образованными парижскими обществомъ. Вольтеръ пріѣхалъ посмотреть на плоды своей пропаганды. Онъ въ 84-хъ лѣтъ сѣдѣлъ, носилъ десятиковъ и даже пелузо, и много дѣлалъ и долго изманиа, отъ вѣруналъ теперь въ философию въ Парижъ, — царилъ въ философской париж, которая въ это время уже сдѣлалась органомъ стремлений и надеждъ образованной французской буржуазии. До насъ дошло много рассказовъ объ этомъ горестномъ пребываніи Вольтера въ Парижѣ. Въ февралѣ и мартѣ 1778 года весь Парижъ ждалъ и говорилъ, что о Вольтерѣ. Пріемъ, который былъ ему оказанъ, былъ въ XVIII столѣтіи, передъ революціей, самымъ сильнымъ взрывомъ общественного мнѣнія во Франціи; до сихъ поръ оно никогда не высказывалось съ такой французскою и съ такой возмущенностью. Весь городъ пришелъ въ волненіе, ему сдѣлали великолѣпный пріемъ, бросъ его били въ театръ, и въ его повздоромъ съ возмущеніемъ, съ благодарностью; зависть и французскія притупленія были затолкаютъ.

Въ послѣдніе годы жизни Вольтера слава его обрадывалась въ самодушевномъ обожаніи; губернаторскій энтузиазмъ былъ тогда въ модѣ и представлялъ собой характеръ, нѣкогда конца того вѣка и монархіи. Въ 1752. въ Фрейбургѣ пріѣхала м-ме Свартъ (Suard); трудно представить себѣ,

от каких-то благоговений эта молодая, двадцатилетняя
женщина приближалась к Волтеру: «Никогда, говорит
она, восторженные порывы святой Терезы не могли прев-
зойти того, что я испытала при виде этого великого чело-
века». Каждый ее шаг, каждый ее взгляд, каждое ее
слово дышало обожанием, придушно изнеможенным лице-
славием фернейского патриарха, это была вторичная передь
своим богом. Передь оубождомь она просила его благосло-
вить ее. Здесь, как и всегда, любовь и вора преобразили
свой одержь: эзотъ великий насмьшникъ, всего своего жизнь
издывавшийся надъ всемъ своимъ, являясь въ описаніи
М-те Соаръ позынникъ, крохикъ и благодумникъ апо-
соломъ, идеализованникъ Волтеромъ, Волтеромъ чув-
ствительникъ сердца, — Волтеромъ, козорало можно было
бы позабыть рядомъ съ Руссо, на одномъ иседезалье.

Такимъ показался законе Волтеру парижанамъ
женеръ — въ 1778 году. Онъ пріѣхалъ 10 февраля (1778г.) и оеда,
побилель у маркиза де Виллеура; депутации оубо Академикъ
и оубо Французской Комедіи, многесерво знаменникъ сенсоровъ
и нѣскольско принцевъ крови явилmes засвидѣтельсеровать
ему свое поженіе. Бенъяминъ Франклинъ, освободитель
Нового-свѣта,¹⁾ привелъ къ нему своего внука и просилъ
сфарца благословить его. Философъ возложилъ на Франк-
линова внука руки со словами: God and Liberty (Богъ
и свобода). 16 марта Волтеръ присудсеровалъ на тесеромъ

¹⁾ Бывшій тогда посланникомъ Северо-Американскихъ штатовъ
во Франціи.

представлении своей Ирены; это было настоящий апоплекс. В течение трех месяцев Вольфганг управлялся своей слабой; но эти зрительные произвели слишком большое волнение в саринке, который не перенесла к формуле на. Божар и пизался только одними кофре. Мервы его были раздражены до того, что он не мог спать и начал принимать опиум, что разрушило его совершенно. Он почти оправился себя. При этом беспрерывные ощущения окончательно разрушили здоровье: он заболел. Духовенство хотело завладеть им перед смертью, но он вынул встать, которое прислаивало к нему с показанием, сказавшись, что сказал Франклин: Бог и свобода; всего этого было слишком много для его преклонного возраста; волнение, усталость и труд сломили его; он умер в ночь с 30-го на 31-е мая 1779 года.

Вся мушкетерская была в высшей степени заинтересована тем, как отнесется Вольфганг к предсмертному Иисусу, анскому обряду, - к непоборам и пригласению. Мы знаем, что в Баденском своем в Ферне Вольфганг итсково раз ходил на непоборы, отчасти чтобы предупредить клерикальные навязия, отчасти из других политических соображений (он хотел подарить примтеры своим вассалам). Мы знаем также, что он давно мыслил насводзельных итсково капуцинов и утверждение было в этой доли, послы в 1770 г. генералом оффена, прошивавшим в Риме.

Французская история литературы XVIII в.

сравненное обозревание, дозавлаившее Вольтеру нестерпимый материал для сарказма и возможное доказательство в XVIII столетии, в эту эпоху, исполненною прозаический мезиду поидвидимости и чрезидидимости, мезиду идеями и фран. фактами, когда при самой римской курии, при дворе самого папы можно было найтти „философствующаго“ кардинала, лавь и волнодумцев-прелатов. Вольтеръ въ своемъ письмѣ къ прїязельнику иногда шуточно подписывался: фран. сца, недосягойный канцлеръ. Такими образами, въ этомъ отношенїи Вольтеръ не былъ ригористомъ и всегда готовъ былъ на уступки, на компромиссы, на либераліе во избѣжаніе скандала. За два мѣсяца передъ смерстью ономъ продикровало вполне ортодоксальное исповѣданіе вѣры и вручили его священнику. Загнали, передъ самою смерстью, въ послѣдніе дни, къ нему ходили духовная мѣра, но руки Вольтеръ уже не снужать шумливымъ поддаваться: письменное, формальное исповѣданіе было или сдѣлано, кромѣ изреченїя „Богъ и свобода“ другимъ чрезвычайнымъ забвленїемъ отъ, повидимому, Боже не давалъ и выгнать вселѣ. Вообще, роковыя данныя объ этой эпизодѣ мы не имѣемъ. Какъ бы до ни было, несмотря на письменное удовлетворенїе Воль. тера въ своемъ католическомъ, духовенствѣ франшимо не до, пущая зѣла великаго ередика до погребенїя въ самомъ Парижѣ. Вольтеръ завѣщавалъ „хорошить себя въ сѣрени, гдѣ самъ приговоришь себя могилу съ просѣянными камнями,

но и зуда не позволено было похоронить его тело. Наконецъ тлемянникъ Вольгера аббазъ Линго увезъ покойника въ Шампань, въ свой монастырь - аббазство Веллеръ - и когда пришло запрещеніе хоронить его, отъ чужд. не, шаль на монастырскомъ кладбище и все обряды были окончены. За это насмодзель монастырь лишился своего мѣста. Однако и въ могилѣ Вольгера не нашли покоя. Черезъ двенадцать лѣтъ посылъ его смерти, останки Вольгера и Марья-Мака. Ручко перенесены были въ „Пантеонъ“ и похоронены въ гробѣхъ подъ земляными сводами парижской церкви.

Періоды жизни и литературной дѣятельности Вольгера.

Передъ нами выступаетъ одно большое дѣленіе: какъ восемнадцатый вѣкъ разбивается на два, почти равныя части, такъ и то же самое повторится въ жизни Вольгера. Первая часть - это молодость и ювенильскіе годы Вольгера, которые продолжаются порядочно долго, вторая часть - это Вольгеръ у присяжннхъ ³⁰ лѣтнмдарный, патриархъ. Именно водвореніе поэта-писателя въ Озрадмонъ (Délices, 1752.) резко раздѣляетъ его жизнь и его произведенія на два половины, причемъ каждая изъ нихъ отличается на себя общія свойства соотвѣствующихся періодовъ XVIII вѣка. Въ эпоху „ювенильскаго“ (1715-1752.) въ жизни Вольгера большое мѣсто занимаетъ литература сама по

себя; во эту пору отъ - позорная слава Франции. Въ
 это въ безноконномъ, бурномъ существованіи съ дикими
 зоркими заключеніями, Богословами, изгнанниками, зря-
 богачи, салонными подданами и придворными милоея,
 ми, Вольтеръ получаетъ свое философское воспитаніе; его
 пребываніе у Фридриха Великаго является послѣднимъ
 экспериментомъ, окончательно сформировавшимся въ. Оно
 возвращаетъ во Францію вполне сформировавшегося человека
 во всерусіи отъ. Почти сорокалѣтнего Эпоху, учени,
 есуба" можно раздѣлить на две равныя части; первая
 продолжается съ 1714 или 1715 года ^{1734 года, до} до его возвращенія изъ
 Англии; вторая часть - съ переселенія его въ Куръ (съ 1734 г.)
 до возвращенія изъ Пруссіи - до водворенія въ Ордановъ
 (Délices, 1755 г.) Шенеръ оградившись стѣнами своего дома,
 Вольтеръ представлялъ модѣи самими является въ немъ.
 Шенеръ въ глубинѣ своего кабинета отъ господствуетъ
 надъ міромъ, потому что его умъ - бездѣлится. Шенеръ
 поэтъ и мизерадоръ ^{мыслитель} существовалъ въ немъ передъ фило.,
 софранъ и подчиняется ему, отъ руководитъ одицей азъ.
 законъ прозвѣтъ церкви и сараро порядка. Вольтеръ этого
 - второго или лучше зрѣлого - періода, ¹ это - Вольтеръ,
 обогнаемый свободными мыслителями и ненавидимый
 ворующими модѣи; это - худой старикъ съ лицомъ, на,
 поминавшимся кривляющуюся маску, и съ дѣломъ,
 ской улыбка; словомъ, это - какъ уже сказано - легень,
 1) съ 1755 до 1778 года, до смерти.

676
дарный, наприарь. По Полно Ладберу дмление Володудр факъ: 1)

1. Первая половина, временнессуба Волсгера.

1694 ии(1714 - 1734).

Будеть земерт нугарт презде всего раннего двадцати.
возного императорично дмдзельноста Волсгера, происхо,
двинуо въ первой половине его временнессуба годовы.
— На пороге своаго юношу поманила къ себѣ гинус,
полная наслажденій и приключеній всякаго рода.
Ма видимъ его въ кружкѣ ^{сзариа} вельможъ — Эмикуррейцери.
Ма иль нирадь онъ снова Блисааер оедрозами или
непринужденными циническими выходками, прида,
вая себѣ видъ опаснаго повеса. Какъ мы уже знаемъ,
еще въ школе Волсгеръ началъ обращать на себѣ
внимание срихали, сльнлани скептическии выходка,
или прозубъ религии. Теперь онъ началъ соинать се,
жиртесскіе сришки, куплези, эмиграцїи, въ которыхъ
доезбалоеа баъ разбору всякому, кто подвернется. Это
новые друзья въ сарсезовѣ мнуща любили вепоми,
наъ давно мнущиесе. Сзариа Кокархентъ разказывала
о Тенриадѣ IV и какъ привлекаетсно изобразилъ его,
что Аруз, заслушивавшиесе зрїль разказовѣ, тунъ
впервое задумалъ „Тенриадѣ“; вилсезъ съ зѣль оръ ое,
видцебъ и свидтатерей онъ чинавалъ зайнучо ироничку
временъ Лодовика XIV, и наряду съ замисловѣ подѣль
у него складывалесе материалъ для историческаго зрѣда

1) „La première période s'étend de sa naissance au retour d'Angleterre (1694-1730); la seconde va de 1730 à 1755, date de son retour de Prusse et de son installation aux Délices, la troisième comprend les vingt-trois dernières années passées à Ferney, et le voyage à Paris (1755-1778).“

„Pièce de Louis XIV“, козорный должень била обезначит
ему видное место въ ряду современннхъ изобретовъ.

Влияние кружка сказалося и на развитии той воле,
подумно-политической или шаловливо-любовной лири-
ки, козора доездила раньше всего извѣстнаго молодого,
му срикозворцу. Несмотря на срапаніе скрываетъ свое автор-
ство, онъ навлекать на себя мелкія непріязни, частая
высылка изъ Париза; да ладинское срикозвораніе „Pièce
regnante“, гдѣ найдены были оскорбительныя сриказы о
пономѣ короля, о регентѣ и его дочери, онъ бросилъ
было въ Баскилю, свое пребываніе тамъ описалъ въ
комическую поэмку „La Bastille“, началъ писать „Тетри-
ады“ и окончилъ „Эдипа“ и вышелъ изъ-подъ ареста
со своимъ первымъ драгедіей „Эдипъ“ и двумя поэмками
„Тетриады“.

Какъ мы знаемъ, Луиз засадилъ сына въ Баскилю,
думая, что онъ проситъ тамъ срилки и будетъ приговоръ,
идеть къ званію судьи, но, между тѣмъ, его сриказы къ
писателству усиливаются. Чрезвычайной застой, навязыва-
емый сриканью политической регентства, началъ реакция и
извѣстнаго (Тетриады) — законы силы, съ козорными возмущенъ въ
борьбу молодой поэты. Музейскій отворъ помогалъ ему воз-
неситъ оръ шудокъ, срикала и сердечнакъ увлеченій до
гравиданской скорби и чудесезвнннхъ заявленій. Па-
рису, занятаей войскаки, вѣнннннн военнаго буроза,

новое столкновение парламента с властью, крушение ре-
генства, захватить краткое правление еще больше не пригод,
наго для королевской роли герцога Бургундского, сфран-
кий брак король, всеобщий насильски надъ нимъ и
его совозниками, все эти черты древосиной поры объе,
идиозъ возмезвующее насурствие, которое и репер по,
размаеръ насъ въ Эдипъ (, Oedipe', 1718) Первое предсрав,
ление его, 18 ноября 1718 г., создало эпоху въ истории
новой драмы. Трагедия эта для своего времени была, ко-
нечно, весьма удачливо литературно устроена, но не это привлекало вельхъ, а же созвтаніе столькихъ
драматическихъ приемовъ съ философского и политического
проповедствъ, которое открываеъ собою длинный рядъ сие-
ническихъ поученій просвѣдительскаго характера, столь
любимыхъ въ XVIII вѣкѣ. Въ насъ не было любовной
интриги, за-то она насыщена была сошными идиами и
вопросами, создававшими злобу дня, и не могла
не вызвать древои въ придворныхъ и церковныхъ кру-
гахъ. Ярко выразилъ въ ней скептицизмъ, овладевший
ума рода абзоромъ. Она высказываеъ сурцовъ корасфны-
ми обманщиками; высокое значеніе придава имъ
лишь сурная роль; все иже мудрость основана на
нашемъ легковѣрїи: „les prêtres ne sont pas ce qu'un
vain peuple pense; notre crédulité fait toute leur science.“
Всѣхъ съ такого укоризнаго духовенству произносится

1) Ирези - не то, что о нихъ думаютъ иудей холна,
Вся ихъ оука основана на нашемъ легковѣрїи.

своих-же суровый приговоръ королевской власти; ей сра-
вненъ высокій идеалъ (monis pour son pays est le devoir
d'un roi), которому не позволительно бохшанство ея
носителей. Одного сама недоуважно, тою вызвае ува-
жение. „Что бы я было безъ него, говорить драматургъ
о Теркулестъ, — зорско царский самъ.“ Съ другой стороны
позорное работное зорны передъ Людовикомъ XIV, смъ,
публическя поваленныя осужденныя посылъ его смерти,
также перенесено въ древнюю обстановку и прозо осуж-
дено.

Драма сама по себѣ была очень порядочною произ-
ведениемъ, написаннаю по правиламъ господствовавшей
классической теорин. Сверхъ того, въ ней были некоторыя
розыскія мѣста, бойкія зирады, въ которыхъ прорывались
кризисскія ^{внѣшныя} заглавныя Волнзера и которыя привлекали
общезвѣстное внимание, какъ нечто очень оригиналь-
ное и необычное въ драмѣ; такъ, въ выходкѣ прозуби
сирецовъ сводило обличеніе духовенства вообще. Пѣнь
не менше, но за прозея была еще очень слаба и рѣдка.
Авторъ былъ въ это время занятъ много литературными
интересами; ему президе всего хотелось сдѣлаться зна-
менитымъ поэтомъ, и поэтому онъ усердно занимался
поэтической формой. „Этимъ“ былъ ^{въ Парижѣ} ~~предзавлеченъ~~ и ~~интересъ~~
большой центръ. Арузъ былъ зронуръ до слезъ и позволилъ
саму бѣдѣ поэтѣ и легко помятъ, рино такое произведение

должно было похрюсать и увлечь современников. Автора сразу стала звать знаменитостью. Старой Ламозри обиделись от удивления, что Корнель и Расинь были теперь досдойного преемника и Лаларивъ были зороше мпъид. Имя автора было у всѣхъ на устахъ, — но онъ уже покинулъ неблагозвучное родовое прозвище для другого, составленнаго изъ анаграммы (въ козрой и принято за н) „Arriet le j.“ (le jeune). Это было славно имя Волгъера. Но Волгерь прибавилъ уже смѣясь надо всѣхъ и даже надъ своею собственною славою. Терцовъ Ри, желая предупредить его маркизъ де-Виллеръ, и поэтъ снова влюбился, и описывалъ сцены своего сираеса. Однако, красавица держала себя гордо и позволяла ему только писать сцены. Позомъ онъ самъ говорилъ, что потерялъ отъ него много времени понапрасну.¹⁾ Дружба съ Расинемъ и другими врагами регента на, влекла на него преследованія правительсва. Онъ бѣжалъ въ славны изъ Париза, но явился съ трагедіею „Арриета“ (Arriet le j. ^{le jeune}) и балъ процветъ. Тра-взоръ-его несе не имала чести, ха, но онъ не забоялся объ этомъ. Знаменитая арриетка Лекувреръ вазвала его уршизмъ въ неурдаль, козъ онъ не муридался въ уршизмъ и посылдала въ Тол, ландіо за 2-мю Рионельномъ.²⁾ Въ Брюссель онъ похрюс, зился съ Иванъ-Ватисеромъ Руссо, и поэтъ обиделся какъ братъ, но къ несчастью, оба вдували кираръ свои

*) канадки прозвѣ
Христиансва съ ра,
жилъ похрюсскимъ
похрюсиль, какъ въ
Этомъ писъ ^{или послани}
своей урешой прѣдъ,
зельницѣ.

1) Въ 1719г. онъ написалъ „Писма объ Эдинъ“.

2) Къ этой драмѣ — Ате Рирелмонде — писалъ онъ въ 1722г. „Эрѣте а Мрани“, гдѣ находитъ исповѣдъ 28-иудниа геловника, варащениа какъ въ полюми, ратномъ, дакъ и въ озрачарельномъ смѣслѣ съ дого зне оураого, вуролоа, лото съ зою вралени въ вѣтѣхъ его соимпаніахъ. Имя Волгерь не сдѣлалъ т-

сфинк. Руссо прочел оду къ попомерву, и Волтеръ сказалъ
 утѣшаетъ: „она не доидеть по адресу“. Когда онъ Волтеръ
 прочиталъ посланіе къ г-нѣ Ропеллмонъ, Руссо обвинилъ
 его въ безвѣрїи, и тогда разошлись врагами - до самой
 смерти.

Вся жизнь Волтера, какъ и жизнь, составляема изъ остротъ,
 нѣтъ выводовъ; за ними невозможно слѣдить. Невоистно
 жалеешь, многого блескащихъ фразъ, безплодныхъ хвостовъ,
 много глупства, идеализма, нѣжности, просеки - и все
 видится золско уль, иронїю, злоесть. Прохъ головныхъ ни,
 когда не любовался природою, не любилъ искренно, не
 плакалъ никогда отъ избушка глупства, Билль - какъ генеръ
 можно было бы сказать - настоящимъ Японцемъ, который
 золско улабаея; у него уль убилъ сердце. Въ двадцать
 лѣтъ онъ былъ уже знаменитъ и у него было много вра,
 говъ. Сердцемъ онъ не могъ защищаться, надо было дѣл,
 сьвоваръ умомъ. Молодой срихворецъ скоро замѣтилъ
 заискивающее ухаживаніе за нимъ своихъ сало,
 новъ и двора; видя въ немъ человека опаснаго, скаръ,
 лисъ приручилъ его любезноестью и пощадилъ. Если ормаси
 эта факрика доезигала цтали, то у Волтера и въ ру пору
 оставался завѣзневъ идеи, отъ которыхъ онъ не отказалъ,
 ся бы ни за какія блага. Знали, что онъ обдумываея
 поэму изъ времени мли, но не подозрѣвали, глѣ она
 сжанея подъ его перомъ и съ подобострашнѣ суреминиетъ

во время Японской вой

проникнуть тайну. Еще в Парижии он задумал пость,
 шенел ^{поэма} Королю; ярко обрисовать образ Генриха IV, как
 образцового правителя, он хотел указать современной
 политике идеал гуманной терпимости, увещания к на-
 родным правам и отклонить Людовика от деспотических
 намерений, от сената на парламент, за год перед тем
 во Франции составил посланный в Конфуа, и на прозе,
 француз. Он специально литературной целью Вольтера
 занимался составлением капитальной Эпической поэмы:
 "La Ligue ou Henri le Grand". Окончив поэму, пость про-
 тивал ее в аристократическом обществе, но знавшие
 сущарем были замь сурогн кь поэмы, что Вольтер
 сбрал рукопись и бросил ее в камин; он успел
 спасти, тайно напечатал в первый раз в 1722. в
 Мемель (Пруссия) и подь видом хорровой ^{книга} клади (Возврата
 была на фураж в столицу. На другой же день Париж
 был наводнен экземплярами "Лиги", как "Темриада"
 сначала называлась. Публика приняла ее в восторженно.²⁾
 Меснозря на крайнее раздражение клерикалов, прави-
 тельство не охотилось распространения поэмы; второ,
 ярко, тье мидурь витьмазельство спасло ее. За-то в
 литературе появление ея стало событием; рядь кри-
 тических сражений, пародий и восхвалений вернулись
 е. Но когда Вольтер хотел ее переиздать, духовен-
 ство воспротивилось, и "Темриада" была запрещена.

1) "La Ligue ou Henri le Grand".

2) Въ шестом томе Вольтер заставил при-
 звать себя величайшим французским по-
 зым своего времени и единственным Эпиче-
 ском своего века, он носил ее из замка в замок, читал ее и подкреплял лобом наперво пуд-
 лами.

7) и потому еще меньше призываю, ить к драме, хорошо понимая, что насрабится браться
всего меньше благоприлично для эпоса, — но ить не меньше оны все-таки задумывать можно,
саго фактурно поэму, изаю которую французы переслали бы завидовав на ить, ить, ить, ить,
Пассо, Ариосто, Данте, Камюсса, Мильтона, Клопштока. X

693

Доме король отказался приять посвящение поэмы; но
через польского посла (1728) поэма была издана в Поль,
перво в Лондон в новой редакции под заглавием
Тенриады („La Teneiade“) и посвящена королевы английской,
супруги Георга II. По мнению критиков к эпосу Волгерт¹⁾

„Тенриада“ — близкое подражание Энеиды; Волгерт
последний грек Виргилия, которого отец ^{сказано} предан
венец ^{венец} Томея. В поэме о Лиге (1723г.) Волгерт рисует
ею богорвие, иринуеию религий. Содержание поэмы во-
размено, по праву, в первом же спикате: „je chante ce
héros qui regna sur la France et par droit de conquête et par
droit de naissance“ и т. д. Десять ить Тенриада ить предлежю
созою ить Тенриды III и его зятем, вполнорвие Тенриды IV, созою,
заклюеию ^{или для одуздания или} сь ить побудиеня или. Содержание
фабула поэмы — в сущности ^{неизбежной} риюваный исторический
разказ, кою автор сизаю безусловн^о поуредности
поэзии (отклонился икогда нарочно от исторической истины,
правдывости. „La Teneiade“ пишется — как Э. Ардэ
в своей истории французской национальной литературы¹⁾
совершенно верно замечает — так же, как Энеида,
в ^{in medias res} середине изображаемых событий, начало которых
изложено уже поэтом, ^{эпизодическом} поюль ^{эпизодическом} соизаю в ^{эпизодическом} разказе, буря, оублен,
ная иобовница, срает коюрою угрожает задершар сурен,
лене герод, описание преисподней, ить ить Блаженство,
предказание о будущей судьбе оублен и даме иуривой

¹⁾ Сл. 7. 2, стр. 102.

4) Хроникки вкютить оправдывають оудрозу Велиль, что въ эрой героической поэмы, напек-
 канкой войнами и боевыми конями, ни дакто не найдеть ни зраба, тодь накориндъ
 коней, ни вода, тодь напоиръ иль. Но совершенно въ другой стодъ Эвдара Тенриада, если бы
 какъ и долично, спанель сморреть на нел, какъ на прославление религиозной жертикоери, въ
 прозивонопоносоеъ религиовъ идеяль кадолическаго духовенства. Тенриль IV, забивай или опозо,
 убийство Тенриха III и сразенид при Мври (Joug);

религиозный писателя,
 или XVIII столетид,
 только поэтомъ и яв.
 идеяль героическо поэма,
 что отъ биль, но мнел
 нелъ Волгера, геро,
 или свободы,
 жертикоери и про
 гресса. Призонтъ
 въ Тенриадъ ееръ
 не мало худощавъ
 венто. прекраснелъ
 эпизодовъ.

и прекрасна зрелько срихи, но правельноери (гладкоети)
 и благозвучно, кошерь бидъ, эо-совершеннольмее, тид
 Волгерь написалъ. Вообще холодноери и сухоери эрой риторической

Давно уже во французскихъ литературныхъ кружкахъ
 вздыхали и жаловались на то, что францид не имють,
 подобно другимъ цивилизованнымъ сстранамъ, эпической
 поэмы. Въ то блаженное время классическихъ теорид
 вырими въ возрносноеъ вздръ да и сочинилъ Эпопето.
 Еще въ XVII столетид многие французские писатели
 млет создатъ подобное произведение, но поущки такого
 рода не вознаграждалелъ успеломъ. Многомъхъ зру,
 дилелъ писуръ Шапелель надъ своей Эпопесей отвъ Орле,
 атской дивезвеннидъ, отъ поущалъ за эо пенсия отвъ
 правительсевра и особъ жалованье отвъ герцога Локсвилля.
 Но писуръ не биль въ соеобити чирадъ его обширное и безъ,
 дарное произведение... Эгоръ продолл въ французской
 литературе и задумалъ пополнитъ Волгерьъ своей Тенри-
 адой. Сомель отъ выбралъ героический - иуръ изорин фран-
 цузскелъ религиозныхъ войнъ въ концеъ XVI века,
 героель поэма биль короля Тенриль IV. Собыдены били
 по возрносноеъ вель эо зредованелъ, ел козорыми займелъ
 нелъ зерезики обрацалелъ къ Эпическимъ поэмамъ. Вся
 Тенриада била построена въ подразманелъ Виргилейвой
 Энеиды, козорая сифалелъ зода образцомъ для великаго

эпика, и поэтому в Тенриаде можно найти все главные сюжеты Эпиды: и описание бури, и картину престол, ней, и предсказания о будущем франции. Словом, поэма была изложена по всем правилам классического казахизма и возбудила в современниках не, описанной восхоры. На Тенриаду смотрели, как на национальную подвиг, как на ту давно осмидаемую эпическую поэму, которая наконец сравняется французской с другими нациями. „Поэма о Лие“, записывается одним из хроникеров того времени, „о которой смело говорили, продаются по секрету. Я ее читал: это дивное произведение, образцовое создание человеческого ума; прекрасно, как Виргиний, — и возь наша словесность обладает эпической поэмой, как и прочие поэтически образцами: своей Тенриадой, своей эпической поэмой, которую тогда считали делом национальностью, Волберг приобрел еще большую известность. (Поэма была издана по рукописи уже в 1724 года). Но кроме того Тенриада имела еще иное значение: она была запечатлена духом просвещенного периода, в ней прославлялись идеи религиозной свободы и жертвенности, она наполнена восторгом к французизму“. При просвещении, правда, не играла главной роли. Нель, за сказать, что Тенриада — произведение феодальное, поэтому это обличение, пропаганда известности помянутой

Указь же, какь его ода „Sur le fanatisme“ (1732 г.).

заниматься в ней взоросшееся место; существовавшей же целью поэта было написать во что бы то ни стало героическую поэму, отъ имела в виду результатъ через художественнаго Харакурра...

Фридрихъ Великий любилъ Теннису особенно; онъ, могущественнѣйшій борецъ за религиозную свободу и германское, началъ в ней свое содѣянное вѣроисповѣданіе. Въ первыхъ же своихъ двухъ замѣткахъ про извѣщеніяхъ Вольтера далъ образцы того, какъ должна быть въ просвѣдительской вѣкъ литература. Съ ^{той} поры и на сцену, и въ романъ, и въ поэму взорается то, что на зовали тогда философій.

Еще въ Англии Вольтеръ набросалъ планъ и написалъ первую актъ трагедіи, Вруръ ^(Brutus) ^{которую онъ кончилъ въ 1730 г.} Эта драма почти охриза въ нападки на старую королевскую власть; хоть и не меньше онъ похвалялъ ее на сцену бѣдъ, шельмъ заурядней, но народъ не понималъ трагедіи, и она не могла имѣть большого успѣха.²⁾

Таково положеніе Вольтера въ литературѣ двадцатыхъ годовъ. Приблизительно до 1730 года онъ главнымъ образомъ поэтъ. Критическое направленіе, сатирическое отношеніе къ окружающему замѣтно и ружь, но оно какъ-то робко, какъ-то неформально. При этомъ и въ самомъ обихъ двадца, тѣхъ годовъ просвѣдительскія начала еще довольно слабы и только начинаютъ складываться: о философій, какъ о

*) что хоть ослѣдъ, васть, то другой иде, алазирредъ.

1) въ „Предисловіяхъ“ или „Pucelle d'Orléans“
2) (Эта порицаемая „La Pucelle“ („Орлеанская дѣва“) написана въ томъ же - 1730 - году. Это - сатирическо-эпическая поэма. Не смотря на фривольный тонъ и нелогичное народное вѣяніе великаго героическаго франца, она содержитъ въ себѣ мастерскія черты комическаго и блестящаго сатирика. Какая здѣсь прозрѣніе-подобное видѣнію Вольтера и Шиллера!)

7) Москва, Волгере почти ночь сидит себя одинокомъ. Автори. Терсидский въ им. семьи; новизинному, покинуть тогда температура, а чужь оградного переконала писаре. лей митъ два-три теловока обнаруживали некогорую самосозвданность, — хотя бы въ зомъ, что образовывает рисоватъ будничную жизнь, обьрь среднего класса, про.

Далеко не въ завидномъ положеніи оставалъ за собой этого народа, родичю словесноетъ молодой извѣстникъ. Въ лирической какъ это др. поэзии диметра закад посредственностъ, какъ Мамъ. Базиоу XVIII вѣкто Руссо (1670-1741), величайшей паминныхъ наименованіемъ немногие ле L'origine (лирический); истривая золпа назимныхъ срихо. реалити. зворичевъ прескакалатъ чновь у чновь сильныхъ людей. Романиса, покидая здоровое направление ласама, ондръ сбивалетъ на зоричю дорогу двуемисленной эротики, при, джно возбурдавшей тервы, и писали, романы съ ключами, со временемъ дошедшея у Кредилсона младшало до вирру, озного совершенства, — тогда какъ легионъ зрагичковъ, по, слушннхъ велитиднхъ сформало Кредилсона, слогалъ звучное и безодормарселеные срихи и въ зрескучилъ зрагедиднхъ обрадовывалъ въ созадъ ракъ издичные класси, тескіе сюжеты. Въ кругу эрихъ людей Волгере даже новичекъ казалъ революционеромъ. Въ свое въ зялозть, нит къ английской наукы отъ веруталъ мысколко болше сочувствія. Если старое академикси сердиго соро, нимлетъ отъ научного прогресса, зо бойкій Монерзлон рамъ, ме Волгера и Конзесксі публичннхъ лекціядни и дрошю, рамни чуме знакомилъ общесуво съ озкритидни Нестонома, успнхални астрономіи, физики; интересы этого рода про, никали даже въ салонс? Такиль были Мариво (Marivaux, 1688-1763), несмотря на зо, что благодаря особенностямъ его позднѣйшай писарецеской манеры французскій Языкы

1) Конзесксі

обогатился особыми зернами (mativaudage), характерными изданными игрой сферичной и кубовидностью. Как автор комедий, он действительно заключился со временем в узкой салонной обстановке, но в ранние годы пытался правдиво изобразить всю жизнь, за десять лет до Ричардсоновой „Памелы“ написать (неокончен, найден) роман „Марианна“ (1731-1736), послуживший, впрочем, образцом для английского писателя, тогда как в своем журнале „Le spectateur françois“ пошел по пути Бюффона (R. Steele, 1671-1729) и Джозефа Аддисона (1672-1719). Но даром не считался приобретением пронаго влияния на французский вкус. Сильная возражения возбудили также однородная попытка сближения литературы с повседневной жизнью, сдвигавшая малодаровитость Мивелле де ла Моссе (1692-1754), которая в первой своей пьесе (1734) „La fausse antipathie“ положила начало „слезливой комедии“ (comédie larmoyante), родоначальнице французской драмы Дидро, Лессинга и Бомарше.

Такие сверзюшки могли лишь отчасти удовлетворить реформаторские замыслы, брошенные в чашу Вольтера. Но пока ему не удалось найти соавторов, он был как полонный сын, и внезапная новая сфера не была так обаятельна! Первое же письмо к друзьям красноречиво говорит об этом. Описание лондонских ландшафтов могло бы подойти к южно-швейцарской

обстановки; музная Шенга камерей емоу красивой; музны
 те английская съ ея дучкомъ законности и свободы засрав,
 мезь его переходитъ орь удивленій къ удивленію. вице во Фран.
 при отъ сошелся съ Болингброкомъ, когда зме притакала
 въ Англію, орьъ недавній изгнанникъ змилъ онды въ
 своемъ поитовезе, поддерживая связь съ передовыми дьдре,
 лядми политики и лихерахуры. Благодаря Болингброкъ,
 Волгзертъ близко сошелся съ Свифтомъ, Попомъ и иль
 кружкомъ. Два-зри года, проведенное въ Англіи, совершено,
 но освоили его съ английскимъ дьзкомъ. Черезъ ньдъ мьсъ,
 цевъ отъ зрне написалъ прядько по-английски „Опакъ одъ
Эпостъ“ и первая акъ зрагедіи „Брутъ“. Отъ искалъ зма,
 комедь съ зоріяди, вигами, секзанцами, постыцалъ пар.
 ланетозъ, мизини, деазра, зюргьы, изучалъ чужиную жизнь.
 Мъзъ надрокотъ его внезапный сложилася правдивая кар,
 зина английскаго бьда, козоручо отъ егелъ полезности
 развернутъ передъ французскимъ издательствъ, одного сра,
 меній ея съ домашнимъ порядкомъ было дозаочно,
 тогда возбуждъ недовольство и масиду обновленій.

Все говоритъ зто о высшей культуре. Положение
 крестьянина гораздо обезличеннѣе; отъ не страшился сборника
 подазей и не прьнегъ своихъ запасовъ; отъ и одъкъ мучне,
 и не факъ измуренъ. Торговля, промышленность, свобод.
 ный профессіи смизаюедъ полезнымъ замьрїанъ. Предста,
 бизели иль не чезураюри во влїдренности родовой знази,

и палата общинъ гораздо важнѣе епископа лондонскаго; сочувств. съвѣтъ роску этого „государя сословій“, Волтеръ вообще восхваляе свободу мыслей въ Англии.

„Здѣсь, въ Лондонѣ, около 300 человекъ облежены пра-
вотъ говорятъ публично, защищаютъ интересы народа; въ
слѣдствіе или черезъ въ свою очередь добиваются той же
вѣсти; въ парламентѣ сужденія о немъ, и каждый можетъ
независимо заявлять свое мнѣніе съ полной свободой.“¹ Такія
замѣтки вносилъ Волтеръ въ дневникъ, изъ котораго
по возвращеніи составлялъ знаменитый въ свое время
„Философскія Писемъ“ или „Lettres anglaises“ (Писемъ объ
Англіи).

Изъ этихъ Писемъ мы видимъ, что въ Англии Волтеръ
былъ особенно заинтересованъ законной религіозной жизнью,
законной наукой и литературой. — Это касаясь до церквей,
нравъ и отношеній, — онъ особенно настаиваетъ на мирномъ
существованіи въ Англии самыхъ разнообразныхъ рели-
гіозныхъ вѣроисповѣданій. Волтеръ относился одинаково
индифферентно и одинаково милосердно ко всемъ сектан-
тамъ и фанатикамъ: онъ указываетъ на терпимость, какъ на
самое верное средство для преслѣденія смуть и какъ на
необходимое условіе для общегосударственнаго благосостоянія.
Секты: англиканская и пресвитерианская, ипшерь онъ, —
господствующія ученія въ Великобританіи, но и другія
пользуются свободой и живутъ между собою очень ладно.

¹ „Англійскія Писемъ“

Каждая из них приносит пользу государству, и когда дело идет о годовых оборотах, никто не обращает внимания на различие вероисповеданий. Христиане, католики, иудеи, квакеры, преспокойно заключают между собой мирные соглашения, а потому каждая идет в свою сторону — кто в мечеть, кто в синагогу, кто сидит в шляпке и ошейнике, вдыхает, и все довольно. Вообще, замечается одна дальняя, наша вотча преспокойно спорит и секреты, у него другие интересы и другие заботы. Забыл Вольтер остановился на английском философе, именно на Бэконе, которого он называет охотно опытной философией, на Локке и Ньютоне. Сочинения Локка он внимательно изучил, и мы не раз возвращались, при характеристике мирозерцания Вольтера, к положениям Локка, который от раздвигая, развивая и короче от сообщая оригинальную форму. Теория Ньютон возбудила в нем живейший интерес и ранее была для него предметом ревностного изучения; он вполне овладел ею во Франции, уже после возвращения из Англии, и едва ли усердно популяризировал. Вольтер восхитился в Англии уважением к науке и ее достоинствам; Ньютон, Локк подверглись бы преследованию во Франции, или брошены бы в тюрьму в Риме, или сосланы бы в Лиссабон, в Англии же они вполне свободны. Трехлетнее пребывание во Франции послужило для Вольтера

произвоположником опознана, приданными Ясноух и опре-
 дленною ветвью уже вырабатывавшимся в немъ по-
 нятиемъ. Англія не создала Волтера; она научила его.
 Онъ слишкомъ любилъ литературу, чтобы не замечать,
 что Англія обладала великою литературою. Похоть она
 переходить къ заимствованиямъ съ англійскаго театра, съ
 англійскихъ поэтовъ; онъ открылъ Шекспира, Лиллтона
 и комическія поэмы времени Реставраціи, — Чайлдерин
 (Chaldersey, 1640—1715) и Котгрева (1670—1729). Эпоха коро-
 леви Анны долготна была ему особенно нравилась, такъ
 какъ въ это время неизгладимая оригинальность англій-
 скаго ума всего лучше маскировалась приличными зо-
 лотомъ и сурогатами литературными правилами, возник-
 шими подъ вліяніемъ французскихъ классическихъ
 образцовъ. Но, что въ Драйдене и Аддисонѣ было фран-
 цузскаго, подбуждало Волтера читать до извѣстной сте-
 пени и нѣтъ англійскія свойства. Драйденъ внушилъ
 ему идею о болѣе сурасной драмѣ; Аддисонъ своимъ
 „Катономъ“, научилъ его вносить морализующій элементъ
 въ трагедію и развивать въ ней опредѣленный философ-
 скій тезисъ.

Англійская словесность, полная жизни и силы, явилъ,
 егда Волтеру ^{sovereign} укоряющее прозвончание француз-
 ской манерности. Онъ раскрываетъ (въ 17 писемъ) значеніе
 Шекспира, какъ создателя національнаго театра, какъ замѣ-

гавельнаго самородка, незнакомаго съ правилами, но тръ,
исполненаго возвышенноети, свободы духа, гениальнаго
порывовъ; въ доказательство оное приводишь моголово
„Будь или не будь“, сознавая, что не въ силахъ передать
всего красоту подлинника. Въ современной лирикаху.
рѣ оное удивляется обилию и связности талантовъ, высоко
свабидъ Тона и особенно Свирфа, котораго свираеъ взоромъ
Радле, сочувствуеъ социальному направлению лирикахури
и съ невольнаго зависеъю обрисовываеъ уваженіе, окружа,
юще въ Англии модными театрами, озражающеся
и на посмертныхъ почесеяхъ; „вайдиге въ Везминстеръ,
ское аббатство, и въ увидиге, что въ наиболѣеише погесеъ
не гробницы королей, а монуменгты, которае благодарная
нація воздвигла великимъ людямъ, способствовавшимъ
ей славу; какъ въ Афинахъ можно было видѣти изъ
вадиги Софокловъ, Платоновъ“.

Такъ оное говоришь и ниже о роли и объ обисеуветъ,
конецъ положеніи лирикахора въ Англии. Разница межъ
ду положеніями лирикахора въ английской и во фран,
цузской обисеуветъ рѣзко бросалася въ глаза. Волгетеръ
указываеъ на многочисленнаго английскихъ членовъ
и лирикахоровъ, занимавшихъ высокія обисеуветнаго должн,
ности и пользовавшихся всеобщимъ уваженіемъ. При
видѣи Клодома, погребенаго въ Везминстеръ, Приора, и с.
полковника дипломатическаго мисіи, и Аддисона, призванъ,

каго въ министерство, отъ находилъ удовлетвореніе для своей авторской гордости и съ горечью вспоминалъ о своихъ недавнихъ приключеніяхъ во Франціи.

Но еще болѣе, чѣмъ литературного дѣятельности и по-
ложившемъ литературовѣ, Вольтеръ была поразительн. науч.
мысль развѣтленъ Англіи; его мнѣніемъ знаменитого замка его
во все стороны и отъ Грознаго къ основанію,
вѣнчанію... До тѣхъ поръ науки почти не замкнули
его; теперь отъ позналъ въ нѣмъ существующая природа,
женія разума и его дѣятельное орудіе. Чужая Бѣзкона,
Локка, Шериданъ и Коллинса, отъ перешелъ отъ фи-
лософскаго авантюризма на манеръ Монроа, всецѣло
сосредоточиваго изъ остроумія и насмѣшекъ, — къ серьезнаго,
скому мышленію, къ определеннымъ вопросамъ, къ
методическимъ изслѣдованіямъ. До тѣхъ поръ въ немъ
были только инстинктивный сурреализмъ; теперь отъ
создалъ свою доктрину. Отъ восхищался Англіей, какъ
свободой, гдѣ свобода мысли, повидимому, не знала границъ.
Гдѣ возрождались всевозможныя оцѣнки сомнѣній и
отрицаній: сатирическія и скептическія, и вытекающія съ тѣмъ въ
функции Свифта, дельца Пондъ, блестящій волюнтаристъ
Боллинджера, Вулстонъ, напечатанный ртомъ пролива ту,
дѣлѣ Гисса Хрисса, навлекшій на него осужденіе при-
судившій, но вызвавшій антимиснеруи многихъ дѣлѣ,
меновъ. За недолгими группами Веллантъ въ свѣтѣ.

Французская история литературы XVIII в.

скаль скептиковъ отъ не видѣль силонивиль монарху,
 зиль маса грубой, серезной, пуританской Англии и едва
 цетиль золько замощиль французиль и взаимноя прере,
 камил прозерануекиль сере. Французиль возбудиль въ немъ
 утася, а пререканий позадавили его; все же выверте утвер-
 дило его въ его безвѣрив.

Тиль не менше наука, галанца, личное дозрощество
 пользовалия гораздо болшиль пощель, играли несрав-
 ненно болше видну ролю, ниль во Франци; съ другой
 стороны кругъ родованъ преимущесствъ болше въ Англии
 гораздо зысьне, привилегированный классъ былъ несрав-
 ненно малочисленнее и далеко не имѣль такого пер-
 венствующаго значенія, какъ во Франци. Таково зель,
 коториль касался Волзель въ „Писма въ Англию“ (Lettres
 anglaises). На зиль пущель — на религии, философи,
 наука и литературу — и болше сосредоточель интересъ Вол-
 зель, и мы увидиль, что важнѣйшье зрудель его будиль
 относель имено къ зиль вопросамъ. То касель
 до политическиль особенноей английской зини, до
 ея государственнаго устройства, зо они отступали для
 него на второй планъ. Онъ ограничивель нѣскольки
 ли болшиль замощаниль отъ английской парла-
 ментъ и отъ английской конституци, но не входиль
 въ анализъ политическаго зрощенія Англии. Въ меха,
 никой английскаго парламента, съ пресловудель раз.

гилемские власти и английской индивидуальной свободой познакомились Францию другой великий, namely уже известный, просвотитель — Кондесксе. ✕

Зная, что этой книги (. Философскія Письма) нет, я подвигая гласно въ Парижъ, Волгера вынулъ ея (1733) по-английски, и когда она возымала большой успехъ, не могъ (быть можетъ и не хотѣлъ) помѣшать конкуррацїи; напечатанныя въ Руанѣ по-французски, „Письма“ были введены въ Парижъ, конфискованы и сожжены палачомъ.

Принимая этой сурогату легко понять. Съ первыми же главами резко сравнись неумолкнвый во Франціи вопросъ о свободѣ совѣсти, и подѣ покровомъ бестыды ея квакшрствъ, которому приписаны наиболее безпомятныя осужденія, подвергались осужденной кризисъ обрядности и догматика католицизма. Переходя къ образу правленія, авторъ сочувствуетъ порядку вещей, гдѣ „король имѣетъ полную власть дѣлать добро и гдѣ у него связаны руки на злое“, гдѣ дворянство основываетъ свое значеніе не на самоуправствѣ и не на численности крѣпостныхъ?

Но въ дѣлѣ лишь „Философскія Письма“ „казалось“ вліяніе свободной страны, которая завоевала все сѣверъ, гдѣ Волгера, рѣшительно выходившаго на путь публициста. Школа воинствующаго деизма, опытной науки, политической вѣрности и демократической словесности

перевоспичала его. Трагедія „Бруцц“ полна почти откры-
 збыть нападокъ на старую королевскую власть, тогда какъ
 англійская вѣроузримность дала содержание одной изъ
 маибольше художественныхъ трагедій Волгера „Заиръ“
 („Zaïre“, 1732 г.), справедливо считаемою предисезвенни-
 цей „Назана Мудраго“ Лессинга; маюмеранство въ лицѣ
 Просмана позаблено зуръ выше каролигесхва, полнаго
 предразсудковъ и неперотимости. Содержание драмы „Zaïre“
 заимствовано не изъ древности, но изъ французской
 исторіи. Это нововведение великаго значенія. Волгеръ
 заперся оу вѣствѣ и написалъ именно „Заиръ“ меньше
 чѣмъ въ 6 дней и пѣса мнѣла громаднѣй успѣхъ. Въ
 ней изложено, что религія являеетъ притязаніе на
 счастье, погрозовленнаго природой.

„La mort de César“ („Смерть Цезаря“) была роже окон-
 чена ^{уже въ 1731 г.} но Волгеръ боялся оудатъ на театре пѣсезу безъ
 сменчивости и въ зрѣлѣ драматическѣ и позабиль „Эрифулу“ („Eriphyle“).
 Недовольный и зрото трагедіею, Волгеръ заперся оу вѣствѣ
 и написалъ уже французскую „Заиръ“. Громаднѣй успѣхъ
 зрото трагедіи не заставиль его оудолжуръ, и онъ написалъ
 „Маріаму“ и „Аделаиду Дюгесклену“, ² когорѣя утали, не
 смотря на свои дозрощесхва. Въ послѣдствіи трагедіи зрѣ
 были возобновлены и мнѣли успѣхъ. Но, если до въ,
 тогда „Англійскія Писемъ“ слышамегъ наслѣткѣи надъ
 Волгеромъ — англомакомъ, и на сценѣ выводили

1) „Marianne“, когорѣя предисезвовали пѣса зото она созидеа: Мариамнѣ Писерана 1730 г.
 2) „Adélaïde du Guesclin“, 1734 г.) ¹ мѣжа (1601-1655) и „De la mort monastique des Zelotes“
 (Нѣтъ удобница грѣшныи ревности) Калдерона,
 но послѣдова трагедіа нѣмцускаго драматурга Фр.
 Тоддла „Herodes und Mariamne“.

его въ видъ арлекина, болтающаго на варварскомъ
 языке, что послѣ появленія французскаго изданія „Писемъ“, ¹⁾ королевскій указъ предписалъ арестовать автора
 и сослать его въ дальнюю провинцію. Мораль, вытекавшая изъ сравненія Франціи и Англіи — въ той формѣ,
 въ какой оно было содѣлано авторомъ „Писемъ“ — была
 очевидна: французскіе нравы и обычаи были осуждены,
 и полное предпочтеніе было отдано Англіи. Но кро-
 мѣ того, помимо самаго сравненія обычаевъ Европы, въ
 писемѣ было множество речей и злѣвыхъ наме-
 ковъ на французскіе порядки, на духовенство, школу,
 но особенно того времени и на преобладающія президенціи.
 Прибавьте ко всему этому заборонный, непопулярный
 тонъ всего сочиненія. За все это книга была осуждена
 и формально предана сожженію, какъ сочиненіе
 скандальное, бранимое религіей, добрыми нравами
 и властью ^{отвѣтственности} предпринимавшаго. При этомъ явленіе въ связи
 его сочиненія „Le Temple du goût“ („Храмъ вкуса“) возбуди-
 ло противъ него бурно собраніе его литературовѣдовъ. Мель-
 поддержали присутіе его враги, и опять передъ нимъ
 явилась угроза Бастильи. Изданы добилась того, что
 его философскія писанія были сожжены на площади
 ружьного палата и Волоньеръ принужденъ былъ опять бѣ-
 жать. Угроза эта сказала: „Я скоро вернусь въ Парижъ,
 потому что изданы доиграются послѣдній актъ своей комедіи.“

¹⁾ въ 1734 г. книгопродавецъ понадеясь въ Бастилию и

Дэвидсонъ, онъ скоро вернулся и написалъ уже что,
мнѣющее „Послание къ Ураніи“ („Épître à Uranie“). Новое
сочиненіе заслужило его отказаться отъ своего произведенія и
принимать его аббату Монсе, который въ это время умеръ.

„La mort de César“ („Смерть Цезаря“, издана въ 1735 г.) замѣтка,
желтна похвалу, что она написана подъ вліяніемъ Мак-
спира, съ драматизмомъ котораго Волгертъ ознакомился во
время своего пребыванія въ Англіи, но между тѣмъ
какъ Шекспиръ съ глубокимъ историческимъ пониманіемъ,
ель доводитъ изображеніе Цезаря до рокового рѣшенія
сраженія подъ Филиппами, Волгертъ прекращаетъ своего
трагедію (Цезаря) смертью героя и оканчиваетъ преслову-
тое рѣшеніе, что рабство не должно чужди свободу надъ
свободого. Но „Смерть Цезаря“ возбудила неудовольствіе двора,
хоть авторы доказывали, что трагедія его советамъ не речу,
Бликанская; онъ готовъ былъ на все, лишь бы охотился въ
своимъ любимомъ Парижѣ, и какъ какъ его слова имѣли
большой вѣсъ и повздорили тутъ не всего Европного, ро
вельможи и государственные люди ласкали его изъ бояз-
ни и были всегда въ восторгъ отъ его выводовъ. Когда же
по речамъ стало ходить прекрасное срифлованіе его въ
нападкѣ Адриенна Лекуврера, которой носилъ смерти
ед, но науценою духовенства, оужали, какъ аккуриси,
въ церковномъ погребеніи, и поэтъ горько попрекалъ
свой вѣзревый народъ духовными рабствами, безземе,

1) Замѣтка, что на болтовню съводитъ въ Эрфуртѣ Наполеонъ
вѣстимъ предсказаніе „Смерть Цезаря“.

ленными предвзвешками и прохворотами закона ее
 жизни,¹⁾ — мера была переполнена, и консервативные
 слои громко требовали кары. Кроме того и озвучки из
 его „Орлеанской Давышевщины“ („Pucelle d'Orléans“) ходили
 по рукам, и поэты предупредили, что если они осядут,
 мурья напечатает эту неприличную поэму, двери Басти-
 лий закроются за ними навсегда. Эта вольная угроза
 надотыла наконец писателя, козрому отпрохворало
 законе обиде, где начали слишком воставлять
 Кредилсона и Францелля, и он удалился отъ своего,
 въ символической замке Сире, съ корошского мещи,
 нов, чтобы въ уединении предасть науку, поэзии и
 мотви.

2. Взрост половина „чрепичеува“ Волгера.

(1734 — 1755).

Теперь, въ Сире, начинается для Волгера периодъ
 усиленности, серьезности замкнут. Здесь, въ Сире, окон-
 чательно складывается его мировоззрение, окончательно
 определяются его воззрения, его отношения къ разны-
 мь вопросам науки и жизни. Тутъ онъ занимается
 эрудацией, собирает материалы, заговлывает сочинения.
 Съ этой поры въ его жизнь влохитъ важное по своему
 последствие влияние чуждой, развужой, лодя ниско-
 ко знаменитой мещины, обличение въ которой
 началось незадолго до его бегства, а окончилось лишь

1) M. 'Vourai-je toujours ma faible nation,
 Incertaine en ses vœux, flétrie ce qu'elle admire;
 Nos moeurs avec nos lois toujours se contredisent,
 Et le Français volage endormi sous l'empire
 De la superstition ?

со смертию маркизы. Эта г-жа Шазле соединяла съ эф. фижского парижского родное въ то время образование, свободно писала по-латыни, превосходно знала маге. мазику и естественная науки. Эта дама - М-те г-жа Шазле - въ замке которой Волгерьъ отшель, оказывала на него въ высшей степени благотворное влияние, сама работала въпервь съ нимъ, требовала отъ него разрядные, ний, указывала ему земли для изслѣдованій, и, какъ увидимъ, для нея были написаны Волгеровы некозорья каин, жалостной сочиненія. Это была женщина замѣчательная по своему уму, образованию и по разнообразию своихъ интересовъ. Подъ руководствомъ Моперзюи и Клеро, дворянъ извѣстныхъ ученыхъ того времени, она основала, желая изучать маге. мазику, перевела на французскій языкъ знаменитая Ньютонова, маге. магическая основа, ния естественной философии, присоединила къ нимъ свой комментарий, и напечатала содѣланный трудъ, посвященный анализу некозорья воззрѣній Лейбница. Раздумывая, своеюкою обществу не случилось на насмѣшки и колкоези, когда заходила речь объ «ученой» г-жи г-жа Шазле. Но, какъ замѣчаетъ Волгерьъ, ей самой не было ни времени ни охоты заниматься изслѣданіями и писаніемъ, и когда ей сообщали какую-нибудь смертную, сочиненію отъ ней, она отзывалась, что ей все равно и что она какія вещи знала съ игнорировала. М-те де-Трасе.

фронтис самими знаменитыми образами описывает домами,
 мою обстановку Вользера в Сирэ: роскошь его кабинета,
 за его фарфоровый беши, картины, стоящие часы, книги,
 физическіе приборы, издешество и великолѣпіе его одежды,
 его серебряную посуду и все пышный церемоніаль
 его салона. День въ замкѣ проходитъ среди занятій. Только
 вечеромъ, къ ужину, собирается общество. Каждый вечеръ,
 въ девять часовъ садимся за ужинъ, заглаживавшіеся въ
 разговорамъ до полночи. Вользеръ являлся здѣсь во всемъ
 своемъ блескѣ, и зуръ отъ и маркиза охвачили орденъ,
 нѣтъ зуровъ. Впрочемъ, иногда однообразное теченіе жиз-
 ни прерывалось домашними спектаклями, до которыхъ
 Вользеръ бывъ большой охотникъ, или приездомъ гостей,
 гостей изъ Париза. При вѣсѣ своихъ занятій Воль-
 зеръ не разрывалъ связей съ Паризомъ; отъ него постоянно
 получалъ изъ столицы подробная сообщенія оъ прише-
 лей — корреспондентовъ и гостей, находившіеся въ Сирэ.
 Въ Сирэ было театръ; маркиза захватила болонскія деньги,
 чтобъ обзавестъ замокъ превосходной библіотекой и про-
 изведеніями искусства; въ Сирэ прѣзжали парижскіе
 друзья, на домашнемъ театрѣ играли столичная зна-
 менитые артисты; играли все, начиная съ комическихъ комедій,
 при чемъ «сцена Полишинеля удивляетъ своего мужа,
 повторяя притворъ: „Fagiana! fagiana.“ — и кончая
 драмами и трагедіями. Все обихажива замка должно

были происходили во снехранилах; даме у двенадцатилетней
 дочери М-те дю-Мазле были свои роли; сдвѣ М-те де-Траф,
 финги устала прѣсѣла, какъ ей уже назначили роль. Въ
 продолженіе двадцати пѣть часовъ дамы устывали съ,
 разѣ или прорезывавъ 33 дюймовъ разныхъ трагедій,
 оперъ и комедій. Другимъ болшимъ развлеченіемъ было
 чтеніе Вольтера въ его новыхъ произведеній: отрывковъ
 изъ „Вѣка Людовика XIV“ („Siècle de Louis XIV“) или изъ „Меро-
 пѣ“, писемъ и „Разсужденій о челоѣкѣ“ („Discours sur
 l'Homme“). Вольтеръ былъ „вродимымъ взоромъ“; онъ не
 переносилъ кружескихъ замочаній и унитомали
 вѣсь своихъ противниковъ.

Врядъ ли существовала когда-нибудь челоѣкъ съ болше
 непохватности и удивительными характеромъ (говорили
 Лансонъ): губервизельный, вѣтлечивый и полновѣдъ вѣдичка
 привѣдъ, онъ думя по чѣлымъ вечерамъ изъ-за сракама
 рейнвейна, козорый М-те дю-Мазле не позволяла ему
 вѣнѣ, потому что это было болше ему вредно, безпресан,
 но спорился съ ней и, уже будучи вѣтлечивымъ, ии, ^{и вѣтлечивымъ}
 какъ сѣдъ лѣкарствами, но еобезвѣтной французамъ, оти,
 бался кофѣ, казался советомъ умироточивымъ, а герець
 литературу — болше жить и весель, если какое-нибудь ни,
 тошиное обезодзельство измѣняло его настроеніе;
 вѣтлечивъ съ жѣль это болше упорной и нечезраимый
 работникомъ. Три зрѣль условія были написаны: „Мозира“;

„Зюлима“ ¹¹⁷⁴⁰ „Магомехр“, „Мерона“, „Блудный сын“, „Семь-
ракида“ и много других произведений, продолжавших
пропаганду только еще идеи, которую Вольтер вынес
из путешествия в Англию.

В „Альзира“ („Alzire“, 1736 г.) фабула перенесена
в ^{на А. Америку} глубь Америки, к первоначальным народам, и в этой
обстановке разоблачено властолюбие и своекорыстие
духовенства, насильно уничтожающего ересь восточную;
в 1740 году написана неудачная „Зюлима“ („Zulime“),
в пьесе о „Магомехре“ („Mahomet“, 1742 г.), изобразил,
попы искусным и развратным миссификатором,
своего рода Тартюффом, мист в больше величайшей раки,
кот (Tartuffe le grand), автор доказывал модную в XVIII
век землю, — происхождение полонезельских религий
из корыстного разреза и фанатизма немногих се-
бялюбивых ^{Зюлима} Иудов от Магомехра похвалены советом
не эфрекизм, но гораздо больше гуманный Зоирт,
восточный по скарону, правно и искренно, снисход,
нужь к чловческим слабостям. В „Эдита“ молодой
поэт засраваеь говорит Зокасу, что „ирецы вовсе не
то, что оде ниль думаеть глупый народ, все их знание
заключаеь в нашей добротивоеди“. В „Магомехр“
эта мысль являеь уже основнымь мотивомь цылой
пессы. Магомехр — ничего больше, какь ловкий обман-
щик, или, какь говорить самь Вольтер в пьесме

1) в том же (1736) году „Enfant prodigue“ и „Examen important de
Mylord Bolingbroke“, которое посподнее обрацаеь прозвуть христиан-
сва.

къ Фридриху Великому, Шарлотта съ магома въ рукахъ.
 1 сентября 1742 г. Волгери имперу Цезарю де-Мисса (César de Missy), французскому проповеднику посольства въ Милан:
 „Магома - Шарлотта Великий (Tantufe le Grand). Я хотѣлъ
 показать въ этой ксесте, до какихъ страшиль похурковъ
 франкуизмъ магома довести теловъка съ слабилъ характере,
 роить, если имъ счанаеъ управлѣеъ негодий; ксеса мой
 подъ именовъ Магома предсавлѣеъ пріора Якобине.
 цевъ, которій влошилъ кинжалъ въ руку Мама Кле,
 Мама: "Папа Бенедикта XIV, которому Волгери вду,
 малъ посвящуеъ эту драгедитю, написалъ ему множество
 благодарственныхъ писемъ. Зато казельно, что на болшономъ
 съезде государей въ Эрфурте Наполеонъ велѣлъ пред,
 савиуеъ Смерть Цезаря."

Содержание
 4-го тома
 Топора III

Въ 1743 г. Волгери написалъ ^{драгедитю} „Мерону“ („Mérope“),
 предсавленіе которой было для него насюдишимъ зрѣ,
 учеромъ и, послѣ этого, онъ вдуциалъ понаеъ ко двору.
 Волгери не задумывался искасаръ даже несоимтъи,
 ные францы, если видѣиль, что эвилъ прѣитые доезигкаре
 предположенной изили. Въ драгедии ^{Волгери} „Смерть Цезаря“
 проведена главная мысль, то рабуво не должно
 подбидуеъ свободу. „Семирамида“ („Sémiramis“ 1748 г.) и
 „Китайская сирота“ („L'Orphelin de la Chine“, 1752 г.) напис,
 сама въ роиль те дукте, ³⁾ „Эдинъ“ и „Магома“ направиле,
 ни прямо прозубъ догматической религии и оскровенія.

+) Впрочемъ это
 вообще раки при-
 ндѣ у похуровъ,
 напр., у Шиллера
 „Донъ Карлосъ“, у
 Гѣе „Эмонъ“ до
 не вполнѣ не
 соотворезубиуеъ
 историческому

1) См. „Lettres inédites, rec. par Cayrol“, Парижъ 1856 г., т. I, стр. 453.
 2) Въ предисловіи къ „Семирамидѣ“ авторъ признаетъ, что подражаніе Шекспиру у
 него ничего болше, тѣмъ замечуваніе оудилековъ, на эффекаръ разскаран.
 ниль, герръ, оборорова и козивова, какъ напр., подбленія призрака среди болало
 днѣ въ этой ксесте (срав. Мессинъ, „Dramatologie“, т. 7, стр. 52.)

„Магомедъ“, записанный для сцены, был напечатанъ, и Вольтеръ въ частномъ посвядилъ его папѣ Бенедикту XIV, озидавъ проклятіемъ, но папа оказался въ зломъ слугаго умное поэза и озвогалъ ему похвалями, благословеніями, съ козорыми дозъ ужалавъ онъ въ Сирэ, изъ козорого на время удалился.

Такиими работами занялъ былъ Вольтеръ въ Сирэ, оръ зворнесзва переходилъ отъ къ занязіавъ маремазаконъ и сзесзвозманіемъ, сопернивая съ подругою, и въ популярной фронтѣ излагалъ новыиіиіе научные результаты. М-те дю-Шазлэ работала съ своей стороны. Она любила науки: физику и философію; у ней была своя лабораторія; она производила опыты, изучала Ньютонъ и заставила Вольтера слѣдовать ея примѣру. Они оба были нараси. денки Академіей наукъ: она получила премію, а отъ погезный оззовъ. Вольтеръ тогда возмущался: „бросъ, же въ, пошалуисза, Ньютонъ, говорилъ отъ: все это — ну, сзвѣдъ бредни; да здравеззвуетъ поэзія!“ Она, напрозивъ зого, ^{онъ} насраивала, чтобъ ея ^{онъ} ибозъ не писалъ больше стиховъ.

Къ зрону, какъ мы уже слышали, е побурдала скорые боззны, несели озбранзоніе оръ поэзии. Она помнила Своту, скаго теловыка (Le Mondain) съ его анологіей роскоши и непотызелыивими выкладками прозивъ бидліи, изъ-за козо, рого Вольтеръ долнеговъ былъ внезапно отпировивзедъ въ Голландію въ 1736 г. Она дернула подъ замкомъ La
 и озвекала: „Бросъ же въ поэзію!“

Rucelle d'Orléans (и Орлеанскую даву) и задержала. Le siècle de Louis XIV: В одиель ея влияние было благотворно...
 За одиель Волгера преобразилася, явилася оузумигой,
 миле собеседникой; бесероуе исполнялае кака я нибудь
 несе или чизалие срихозворенія. Непринууденной и
 зонко-интеллигентной дуле цариле во зрелье даиселель
 уголке французскаго мїра, и полва разнесла восте
 о немь повсюду, возбуждая удивленіе и любопытство.
 Во зрой эпохель оуносудей первая сношенія Волгера сч
 Фридрихомь Великимь.

Подо влияніемь английской философии Волгера
 переходиле зодда зодда оуе ружиннаго взгляда на истори,
 ческую науку, сказавшаесть во его юномеской книжкель
 ладивной работель: „Histoire de Charles XII“ (1731), ко мїро,
 кому философскому освещенію народнаель судьбь. Во
 „Essai sur les moeurs et l'esprit des nations“ („Опыте о нра-
 вель и духель націй“), написанной во зру пору, разру,
 шаель богословское незалкованіе всемірной исторіи,
 которое было во ходу со времемь Тоссоэда, и прозивоно,
 лагаель ему довольно суройнну зоріло, опирающуеся
 на езерезвенно-историческія даннод, изученіе племен,
 конель осодельностей, сравнительной разборель религій;
 прогрессу указана высшая цель во осущесвленіи
 всеобщаго просвещенія и царезва челоуечности.
 Соганоніе зро капаго для маркизы Шагле; оно должно

У 1753-1758.

Было называлось „Всеобщая исторія“, но по плану явилось
 образованное по большому обширному плану, вызванному
 блестящими центрами „духа законов“ французские, философско
 философия, писал онъ въ 1745 г. къ Дюкло, — „якобы,
 етъ писателю исторіи“. Но его мыслями, исторія не должна
 быть простымъ разказомъ о вѣншихъ событіяхъ, ко-
 рой, кромѣ того, доводитъ до насъ болѣе чистое въ
 неясномъ видѣ, — но скорѣе исторіей чело-
 века, — исторіей, которая должна показать, черезъ какую
 борьбу развитіе чело-
 века по-прежнему возвышался отъ
 варварства къ образованности. „Поэтому, говорилъ
 онъ, вниманіе историка должно быть обращено не
 исключительно на громадную массу фактовъ, которые
 иногда не видятся между собою, да-
 же неизвестны
 одинъ другому, — но должно ограничиваться одними
 важнѣйшими и несомнѣнными; такъ что читатель
 самъ уже получаетъ возможность вывести свое заклю-
 ченіе объ упадкѣ, возроденіи и прогрессѣ чело-
 вѣка.“ Вольтеръ ясно сознавалъ всю важность
 этого требованія, — и въ самомъ дѣлѣ не только за-
 нимался политическими событіями, сколько внутрен-
 ней жизнью народа, его правами и обязанности
 государя, экономическими условіями управ-
 ленья, исторіей поэзіи и да-
 же неслучайно образо-
 ванности — издательства. Вольтеръ и въ исторіографіи

Является чело́вко́мъ парзюи. Онъ сло́бно и пристрастно
насилуетъ фракци, какъ скоро зредуетъ зтого его нечавиере
къ господствующей церкви. Онъ весь времена и весь
народи прикидываетъ на оданъ насмудъ и не знаетъ
основнаго закона чело́вко́скаго развизид. Возмезь-
зражикъ, публициеть и историкъ всеоду бовь втравеи
себю.

Не только придворная опись навлекла на Волтера
не мало неприятели; начался также и литературный
сдолокновения. Мелкие писатели зъенко сдоложились для
борбоси съ чело́вко́мъ, захлывшимъ шю; завязывается чюор.
ная война. На поприще насквилей и доносовъ ^{вмешали сдоложон, историкан} подвиз-
зался аббате Дедронзене (Desfontaines), содравившъ въ
парфрель: "La Voltaireomanie" (1732) вадкя сдоложи
о поезде. Дедронзена стьнили другие враги, иногда вовсе
не бездарные. Такииъ бовь Пиронъ, авторъ комедии "La
mère comédie", закъ зло осмьавшей сдоложъ къ сдолозворъ,
србу, что нъкозория выражений бошли въ поговорку."
Но М-те дю-Шагле, какъ уже знаели, охраняла доехонъ,
срво нашего позда, шъшая ему ввдизиваетъ въ чюицирель,
чюо полелику съ Дедронзенаки и другими насквилды,
закли. Кроиъ зого въ ту же пору Волтеръ веррвожилъ
неиито расположениемъ къ нему друга, возмьвшого
на него — закъ же, какъ г-ма дю-Шагле — благозворное вли-
яние. Еслибъ на чюри Волтера чюще веррвогался закъ

1 напр. "J'ai ri. Me voilà déaranté" или "La mère en présentant la lecture
à sa fille", — у Пушкина "его сдоложи, конечно, назъ вельла-дъ дочери чи,
закъ".

моги и если бы отъ молододу была мене обработана, она
ранше быкала бы свое насроднее значеніе.

Молодой маркизь Вобенаръ ни по своему пово-
женію, ни по литературнымъ успѣхамъ не могъ раз-
суживать на сближеніе съ нимъ. Не по годанъ задумъ,
гибнѣ, здогднвшійся военного сурдота, оубъменовой
мадеріально, Вобенаръ предался въ провинціальной
глубинѣ литературнымъ зандріямъ и послалъ Волъ-
зеру свои первая работы. Позрь оубъчалъ ласковимъ
письмомъ, ободряя къ зрѣду и приламая незнакомъ,
ча къ себѣ въ Паризмъ. Съ зрѣмъ портъ между ними
начался дружескій сношеніе, еще болше усилившіяся,
когда Вобенаръ наконецъ притахалъ въ столицу.
Обездраженной оспой, почти унираоцимъ, лезалъ
отъ въ бѣдной комнагъ, и Волъзеръ среди придворной
снзгн наводилъ время, тодь поестыагъ друга и
урашагъ его своей бестодой. Когда несчастный чверъ,
Волъзеръ воспользовался первымъ же случаемъ, тодь
всенародно воздагъ ему хвалу. Въ панегирискъ фрати-
кузали, прославившіяся въ послѣднюю войну, отъ,
догдъ до Вобенарга, съ глудокото горесерго вспоми-
наеъ о другѣ, шалъеъ, что поздно возрогдилъ съ
закото выдающагося личностю, удивляеъ сройкоери
его среди несчастій, гуманностю и возвышенной
философій. Тра рѣдка по искренности исповѣдъ Волъ-

Гора доставила посмертно известное по дружбе. Мнение Вольтера не сложное и не дерзкое; в виду оно ижесть по слухам моралистов XVII века, но у него ижесть остроумия Лабрюйера и разогарованности Мармонтю; это же единственный ижесть, который (как находим похвалы) суждено бы сраге примиряющим звеном между Вольтером и Руссо, хотя бы подталкиваться на пороговое обществено провозгласило добродетели и благородства. Главного ценом суждений оно называется в своих *maximes* гуманное, и, как некогда храбрый воин, — неустрашимое мужество; душа его возмущается пороками, царящими вокруг, и оно порицает свой век за его слабости, рабство, презрение к народу, легкомыслие и невежество.

„Вслед Вольтера долгое находилась под влиянием этого благородного человека, оно скорее ижесть бы о же суждено, все еще привязывавшей его к придворному миру вопреки философской презрости чина (говорит Алексей Веселовский). Предозабленим себе, оно одалек на время евожеским приключениям, мансав ^(il s'agit) как „poète de cour“... „les *histes* rapsodies qu'on appelle les *Événements de l'année* 1744, poème, *Le Poème de Fontenoi*, *La Princesse de Navarre*, opéra, *Le Temple de la gloire*, autre opéra“. Мансав парадную ижесть: „*La Princesse de Navarre*“ савь савь надь ея ценюком, захватившим „Темпиду“ и „Заур“;

которая возбуждали лишь злобу и вражду.

Съ дипломатическою проникательностью старался онъ держаться среди стѣны бременщиковъ и сближалъ съ новымъ звѣздой, далеко оставившей позади себя всѣхъ мѣль, — г-ней Покнадуръ. Въ разрезливую политику ея входило поощрение искусства и литературы, чего, однако легкомысленно и зонкиль развились, меднее въ уровень съ начинавшимся уже царствованиемъ саломовъ. Волгера былъ украшениемъ и занималъ собою, ринуть у фаворитки, возбуждая зрѣнь невольнаго гонимого двора почитанной королевы, гдѣ искали случая озвучить ему. Когда въ другой парадной пьесе, Le Temple de la gloire („Храмъ славы“) онъ съ немалого ^{на} зданской сравнилъ Людовика XV съ Траяномъ и, какъ говорили тогда, въ день представления позволилъ себѣ обратиться къ королю съ безобидными, но прозвучавшими эрикеру въпросами: „Trajan est-il content?“ король, совершенно не находивший, представившій къ загадочнымъ члов. ^{суп. Am. Ag. ff} камъ, что въ скрытѣ смущеніе, гнѣвно посмотрѣлъ на него. Зрѣнь воспользовались, чтобы помянуть положение Волгера; ита даме рече обего высилки, несообразившейся лишь благодаря г-ней Покнадуръ. Но вскоре онъ понялъ, что на время полезно будеть ^{Произотта и екоритъ} утѣлать. Въ одной великоблудской госудинѣ, за игрою въ карты онъ замѣтилъ, что двлаеся жерзвой лобкаго пометничества;

говоря по-английски с женой дю-Шагле, онъ выразилъ прозою,
былье похвалъ дружини и поразилъ медузелковыми каэфро,
еиелье окружающаиъ. Визе съвѣсно было воспоминаице о
золъ, какъ за гущую вину онъ поплахилъ зюромой
и ссилькой. ✕

На зторъ разъ убожишеть болье зашокъ его сзарой прѣя.
залоникъ, герцогини дю-Мэнъ, укрывавшей опалнаго поэза
до зюлье поръ, пока „исгория“ его не улегла вь Паризь.
Волсгеръ привезъ съ собою материалъ для обшпрналь
работъ, для „Вѣтка Людовика XIV“, для „Опыта о правахъ“,
но ни удоверъе для такою зрудъ, ни спокойнаго каэфро,
еиля у него не было. Принурденный не показывалъ
днелъ на глаза модьяль, и зольско по вечералье спускалъ.
сд лъ своей болъшой прѣдлелителъ, онъ прѣдчмалъ
срѣдъе короуаръ вреня и развлекалъ эту ульую женица,
ту, слагая разное замасловае разсказы. Около поедли
герцогини срабилелъ ушмиъ, Волсгеръ садилелъ за столъ, и
микробизация дмлаелъ за полнокъ. Онъ не ервельялелъ
выборонъе сознезовъ, извлекаелъ иль изъ сзарилье незотки,
ковъ сказогонилье фадълъ и перерабадавалелъ иль по своему.
Такъ сложилелъ изъе недолъшилье повъсезей, вскоръ за,
зтмъ издаиилье: „микромегасъ“, „заднъ“, „Гадукъ“ и др.

Во первой повъсези, „микромегасъ“ изобразилелъ, во
вкусъ свифда, волшебное пурешесрвѣ великана микро-
мегаса, обдизаюущаго на Сирисъ, съ шифрелель Садурия.

Сначала они пролетают по небесным сферам, потом по земле, дорогого воздухоплавательного корабля с маленькими человечками, — членами полярной экспедиции. Великану Сириса ударяет изобретение орудия, докопавшее до него слабый людской головой. Начинается научная беготня; высказываются ссоры и разные философские учения; одних защищает Аристотель, другой Лейбниц, Декарт. Великанов ^{заставил} ^{говорила} ^{Локка} ^{удобно} ^{сформулировать} лишь привесочку Локка; они непременно обжали бы его, если бы не боялись раздавить этого крошечку в своей обиде.

Еще богаче фантазия и изобретение в «Задиге», новой вариации странствующего сказания об «ангеле и пугале», — последний изобретение козорога снова показалось в одном из мелких рассказов Л. Толстого. Задига на опыте убедился, что глупые глупые поучаются, глупое шлокоет ему лучше; счастье одними пороками. Сущность его, ^{ангелъ} ^{принявший} ^{человеческий} образ, раздвинулся ему на прищипывание, что счастье злыя призракное, что зло послано для исправления добрых, и что козья закого дурного дала, козорог в конечном результате не повело бы к добру. В ужасу Задига, отъ крадучь чуждый сосудъ у гостеприимного хозяина и незаметно оставил его у скупца, спаливая въ воду чуждым либаго проводника, подписывая долги бядняковъ. Во всем этом есть скрытое благо: скупецъ усреднится и

исправится; утонувший скаль бы через годъ убитъ целю,
 разоренный погорѣлецъ найдеть подъ пепломъ
 кладъ и т. д. Очевидно Волтеръ не додумался еще тогда
 до разрыва съ оптимизмомъ, ярко выразившагося въ-пир,
 тей его повести, — «Кандидъ», о козрой рече буденно
 въ послѣдствіи. «Zadig» появился въ 1747 г. подъ заглавіемъ
 «Метнон», а въ слѣдующемъ году вышелъ подъ своимъ
 окончательнымъ заглавіемъ. Другой «Метнон» написанъ,
 зашь въ первый разъ въ 1749 г. — Въ первыхъ своихъ ро-
 мансахъ или повестяхъ, «Così Sancta», «Le monde comme
 il va», въ «Zadig» (или «Метнон») и въ другіе ранше упомя-
 нутыя (въ «Микромегасъ», «Бабука»), написанныя или
 для развлечения герцогини дю-Аэнь, ^{Волтеръ} онъ являетъ скорое
 моралистовъ, немень философовъ, и его просія въ эрикъ
 романовъ весьма безобидна. «Я окозю доуцкаго (говоришь
 Т. Лансонъ), что въ сущности все это удивительное сущно-
 леніе обезобразено, изобразимое или, эта франца,
 эрикская цѣль прижить и слѣдствіи, проповѣдь фраза,
 лирической покорности судьбѣ и насмѣшка надъ са,
 монархическою людей, спугающимъ возможнымъ
 полагаться на себя и на все окружающее или, пред-
 полагаясь весьма недвусмысленное отрицаніе Крови,
 дикія; но въ эрикъ случаѣ «Метафизика еври»,
 влезая за низменното, ширейского моралиста?»

Около того же времени (въ 1749 г.) Волтеръ написалъ

„Нанине“. Публика возгоралась в этой драме, изобразившей мезальянсь одного великодушного сенатора, кризиской социальности привилегий и апологией естественного равенства и личного достоинства; но, говоря по правде, во всем этом не было ничего особенно злого, и для того, чтобы написать Нанину, не стоило бить Волгера. Там же Т. Лансон, называющий эту пьесу в законе „романом“, а в хронологической таблице произведений — „драмой“.

Краткая пора чепухов Волгера в Париже кончилась к концу. Постановка на сцену „Семирамиды“ разочаровала парижан; далеко не новатор в драме, зинеской теории, Волгер озвучился, однако, выведя в салон похрюскающего пометы зана Мина; актера не справился с ролью и, пробравая по сцене между зрителями (допускавшими зюда на ней), возбудил ситить. — Дворь явно предпочитал Кредмсона (ушора Л-те дю Шарле, — пришлое испугаре разочарование, — для развлечения) и, зтобь побудить соперника, Волгерк написал „Ореста“ („Oreste“, 1750), „Спаситель Гибя“ („Voté sauve“, 1752), „Триумвират“ („Trinvoicat“, 1764). В это время, король прусский звал Волгера к себе, и он озуправился в Пождамь.

Какь ли знаемо, зме кь 1736 году ознакомились первый сношения Волгера сь Фридрихом II (Великим), а

1) Там же она образомь выразилась и Велюде, когда Тине написал „Клариво“.

позови Фридриха не пересылала манифест его къ себѣ. Въ
 1740 г. Фридрихъ Вильгельмъ усунувъ Ласко своему сыну.
 Какъ разъ въ это время печаталось, при содѣйствіи Вол-
 зера опроверженіе Маккиавелля, написанное Фридриховъ,
 хотя тамъ не было ничего, что могло бы привинтить
 безпокойство королю, но онъ все-таки предпо-
 телъ остановить печатаніе своего сочиненія; Волзера,
 немного изумленной, исполнилъ его желаніе. Ему
 пришлось убедиться, что у Фридриха было больше свое-
 короуской энергии и меньше философскаго великоду-
 шія, чѣмъ онъ раньше думалъ и высказывалъ это; но
 онъ рѣшилъ только посылать дѣла надъ гонимыя
 опроверженіемъ опроверженія Маккиавелли, которое
 представляло собой взорженіе короля въ Силезію. Это
 было для него гонимъ легче, что король поддерживалъ съ
 нимъ въ сие самое отношенія, какъ и прежде. Среди
 затрудненій новаго царствованія, однимъ изъ первыхъ за-
 бавъ Фридриха было увидѣть Волзера, а однимъ изъ его
 самыхъ гордыхъ и честолюбивыхъ желаній было ильзъ
 его возмѣ себя, обладая имъ. Когда, въ 1743 г., Волзери
 пріѣхалъ въ Берлинъ въ качествѣ оффиціознаго уполномо-
 ченнаго французскаго двора, славаго заслуживъ снова
 взяться за оружіе своего невѣрнаго союзника, надъ нимъ
 оскорбительно издѣвались, какъ надъ посломъ Людовика XV,
 и восклизительно указывали за нимъ, какъ за позукомъ,

философов и писателей дружить король. Прибывая къ
 одному изъ друзей малолетнихъ королю, передъ ко-
 зорями Фридриха никогда не останавливался, онъ рас-
 суждалъ наски, обещанія и предложенія, чтобы убо-
 дить Волгера охотился у него, и въ это время скарал-
 ся подъ рукою поссорить его съ французскимиъ министрами,
 чтобы содѣлать для него невозможнымъ возвращеніе.
 Несмотря на эту неудачу, онъ снова принималъ за
 обещанія и предложенія, пока, наконецъ, Волгеръ,
 убедившись, что онъ не можетъ болѣе жить въ Парижѣ,
 не рѣшился испробовать гонимыхъ прусскаго
 короля. Онъ былъ радъ показать французскому королю,
 какъ къ нему, Волгеру, относился въ другіяъ ера,
 мать. И обещанія помогли замеслать Фридриха
 привязать Волгера къ своему двору: во-первыхъ смерть
 М-те дю-Шагле, которая дала возможность поэту свободно
 распоряжаться своею судьбою, во-вторыхъ немилость, кото-
 рой Волгеръ подвергся въ концѣ 40-хъ годовъ со стороны
 французскаго двора. У великаго императора было много
 враговъ, прозвѣвъ его великаго интриги, ему особенно до-
 саждало покровительство, которое оказывалось свѣтле без-
 дарному пизу Креднагому. Не мало также коснулся
 на Волгера за его вольнодумствіе. И вотъ, въ 1750 году
 онъ принялъ наконецъ предложеніе Фридриха и прѣ-
 халъ на житье къ нему.